

От ненависти До любви

АЛЛА
ПОЛЯНСКАЯ

ЕСЛИ ЖЕЛАНИЯ НЕ СБУДУТСЯ

От ненависти до любви

Алла Полянская

Если желания не сбудутся

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полянская А.

Если желания не сбудутся / А. Полянская — «Эксмо»,
2017 — (От ненависти до любви)

ISBN 978-5-699-95301-1

Симу жизнь не баловала с детства – родители развелись, и каждый начал строить новую семью, в которой не нашлось места девочке. Но, несмотря на все невзгоды и неприятности, Симе удалось получить образование, найти работу и даже купить квартиру. Она любовно выстроила свой уютный мирок, никого в него не впуская – с предавшими ее родными она не общалась, а в друзьях просто не нуждалась. Вот только бесноватая старуха-соседка с первого взгляда невлюбила девушку и методично отравляла ей жизнь. Не выдержав, Сима однажды вызвала полицию, и сумасшедшую удалось на время урезонить, но это стало лишь началом новых проблем – старуху задушили, а ее тело подбросили под дверь Симиной квартиры...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95301-1

© Полянская А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

1	6
2	12
3	21
4	29
5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алла Полянская

Если желания не сбудутся

© Copyright © PR-Prime Company, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Для Tori

*Ты был лучшим в мире котом.
Когда-нибудь мы снова встретимся –
и уже никогда не расстанемся.
Любящая тебя – Я.*

1

Ворота были огромные. Не то чтобы вширь – нет, они поднимались вверх и терялись в клубах густого тумана, который спускался сверху и покрывал все пространство, видимое сквозь прутья ворот.

Такой тишины и пустоты не было больше нигде. Ее невозможно достичь там, где есть хоть что-то живое: даже если не ездят машины, не слышно людей или птиц, есть ветер, есть шорох листвы, травы, песка, есть плеск воды, и даже земля никогда не молчит.

Но здесь всегда было тихо.

Забор не виден в густом тумане, всегда только эти ворота – и страстное желание проникнуть за них и посмотреть, что там, дальше, и это всегда было важно. И однажды почти получилось втиснуться между прутьями и сквозь туман разглядеть дорожку, вымощенную белым камнем, но туман сгустился, и дорожка пропала, а ворота не открылись.

На них не было замка. Они просто были заперты – и заперты всегда, когда она подходила к ним.

Она всегда знала, когда Тропа ведет ее к этим воротам. Просто в мире звуков и запахов что-то вдруг неуловимо менялось, и появлялась Тропа, и она уже знала, что идет к воротам.

И где бы она ни находилась, Тропа всегда появлялась под ногами, и если ей хотелось тишины, она шла к воротам. И пусть они не открываются, и не видно, что за ними, – какая разница, если там можно просто посидеть, привалившись спиной к прутьям и ощущая себя в полнейшей безопасности! Как ни странно, прутья никогда не бывали холодными, и сидеть вот так и слушать абсолютную тишину было упоительно, и возвращаться никогда не хотелось... Но там, за пределами Тропы, находился тот, кто всегда ее ждал. Кому она была нужна так сильно, как только он сам был ей нужен.

И Тропа пропадала, но сожаления не было. Потому что стоило о ней вспомнить, и мир вокруг словно замирал на ходу, и Тропа уже была под ногами, и можно было идти.

Вот только очень интересно, что же там, за воротами?

Было время, когда она приходила сюда часто – гнало любопытство. А вдруг она когда-нибудь застанет ворота открытыми, или тумана не будет, и тогда она увидит наконец, что же там, дальше... Ну, не может быть так, чтобы все время туман!

Но ворота всегда заперты, туман всегда густой и непроглядный, а тишина такая абсолютная, что впору радоваться этой неизменности. И просто представлять, что там, за воротами, есть нечто удивительное, и если приходить достаточно часто, ворота сдадутся.

* * *

Копали долго и старательно.

Эта часть кладбища давно не использовалась, и оттого, что могила очень старая, когда ее раскрыли, уже и запаха не было, за сто лет перегнило все давно. Свет фонаря выхватил из тьмы прогнившие доски, которые когда-то были крепким деревянным гробом, но за целый век в земле и им пришел конец, доски прогнили, и лопата прорубила их насквозь.

– Да погоди ты!

Луна светила в полную силу, видно было неплохо, и гектары крестов, плачущих ангелов, прямоугольных и закругленных камней, казалось, превратили всю планету в одно большое кладбище.

– Все равно доски уже пробил.

– И то. Поддевай лопатой, только осторожно.

Доски с треском отошли, пахло сыростью и тленом.

– Ишь ты... Сто лет прошло, а запах еще держится.

– И что? Нам сегодня еще соседнюю разрыть надо, не отвлекайся. Посвети-ка мне лучше, поглядим, что тут есть.

Ткань, когда-то прикрывающая тело, истлела почти полностью. Они в четыре руки сдернули остатки когда-то, наверное, красивого кружева, закрепили фонарь на длинной жерди, переброшенной поперек могилы, и принялись изучать содержимое гроба.

Надпись на кресте не лгала, покойница умерла молодой и была балериной в местном театре. Об этом свидетельствовали прекрасно сохранившиеся локоны и когда-то белое балетное платье, теперь истлевшее и покрытое пятнами.

– Так и положили, со всем приданым, даже туфли балетные надели на нее, гляди.

– Что туфли, ты сюда посмотри.

Брошь, блеснувшая в лучах фонаря, оказалась тяжелой, в россыпи камней. На руках, облаченных в когда-то, наверное, белые перчатки – длинные, до локтей, и, как ни странно, не разложившиеся, а словно усохшие, – обнаружили браслеты.

– Не люблю, когда они не разлагаются, что-то есть в этом жуткое.

– Плевать. Кольца есть?

– Нет. Вот, икона какая-то есть, на деревянной доске.

– Бери ее и подай мне веревки.

Работа была знакомая: зацепить веревками остатки гроба, выволочь, не растеряв содержимое, и уложить на тележку. Потом почистить яму, придав ей благообразный и свежий вид, – вот и вся работа. И можно было бы делать ее днем, но днем это будет привлекать внимание и шокировать посетителей кладбища, а добыча может приглянуться начальству, ну а ночью – и волки сыты, и овцы целы.

А покойники... Да им все равно уже не нужны ни эти цацки, с которыми их хоронили, ни сами могилы. Это живых ужасает, когда раскапывают захоронения, и не потому, что это оскорбляет их какие-то религиозные или моральные принципы, а просто оттого, что каждый думает: вот и я умру, а меня выбросят точно так же, оберут и... Хотя, по большому счету, все эти останки – что-то наподобие изношенного тряпья, утилизированного за ненадобностью.

– Зачищай здесь, а я соседнюю начну.

Они работали слаженно и быстро. Дело было знакомое, и добычу делить на двоих гораздо интереснее, чем на троих, например. Да и тайну соблести так легче, поскольку всем давно известно: что знают трое, знает и свинья.

А покойники еще и тем хороши, что не болтают лишку.

– Тут гроб словно железный. Иди, помоги мне.

– Без малого сто тридцать лет могиле, какой там железный!

– Поговори мне еще... вот, гляди.

Гроб оказался крепким, окованным тонкими металлическими пластинами, словно его обитатель готовился переждать в нем атомную войну.

– Давай целиком вытаскивать, разбить не получится, места мало, и шуму будет...

– И то.

Веревки натянулись, и гроб, натужно крикнув, вырвался из земли. Они тащили что было сил, но перевес был явно не на их стороне.

– Сами не управимся, надо кого-то позвать.

– А кого?

– А кого найдем. Эти-то небось от жары где-нибудь на воздухе дрыхнут, тащи сюда двоих. Муху тащи, там сил много, а мозга мало, а полоумному кто поверит?

Точно, надо позвать Муху – одного из местных бомжей, их тут десяток постоянно трется, прихлебателей. Но и польза от них тоже есть: если надо что-то сделать тяжелое или

неприятное или просто лень, надо только поставить этому отребью внятную задачу, и они сделают. А не сделают – в тот же день вылетят из старой сторожки, что на восточной оконечности кладбища, где они оборудовали себе жилище с койками, печкой и сортиром. Летом-то оно вроде бы и ни к чему, да только – ну, сколько же того лета! А зимой нужна крыша над головой и дрова дармовые.

– Тянем.

Муха и его приятель Буца взялись за одну веревку, а они с напарником – за другую.

– Идет, поднажмем.

Они выволокли гроб из ямы и сели на землю.

– Все, ступайте.

Буца толкнул Муху, тот нехотя поднялся и поплелся вслед за приятелем.

– Вот народ, оба в стельку пьяные.

– А зачем они нам тут трезвые? Утром и не вспомнят ничего, а если и вспомнят – подумают, что приснилось.

– Это если вообще будут думать, что не факт. Муха – дурачок совсем, и Буца ума невеликого. Это тебе не Палыч, тот рубит фишку на лету. Я кино видел, там...

– Достал ты со своим киноманством, совсем отупел от этого дерьма! Давай откроем, да и хватит на сегодня. Яма, смотри, чистая, чуток стенки выровнять – и готово. Лопату дай-ка мне и присвети.

Крышка хорошо сохранилась, гроб выглядит как несгораемый шкаф. Металлические петли и обитые металлическими полосами углы и края делают его похожим на кованый сундук.

– Вот незадача, лопату некуда вставить, хорошо пригнано! Ага, нашел... Помоги мне, поднажмем...

– Лопата сломается.

– Не сломается, осторожно нажимай.

Крышка затрещала и начала отходить. В сыром воздухе, пахнущем прелой землей, поплыл сильный аромат тления.

– Ну, ты подумай! Сто тридцать лет прошло, что там может до сих пор гнить?!

– А ты помнишь фильм «Мумия» с Брендоном Фрейзером? Ну, самый первый, где они с Иви только познакомились. Так они в гробнице нашли саркофаг, в котором была мумия, которая продолжала разлагаться. Проклятие египетское такое наложено было, там почти все умерли, пока этого колдуна обратно в гроб загнали. Может, и здесь...

– Я тебе говорю: ты реально сдурел уже с этими фильмами!

– Ну а что, все же сходится!

– Нажимай, поддается уже...

Крышка отошла с тяжелым низким скрежетом и звуком ломающегося дерева.

– Все-таки дерево подпортилось за столько лет.

– Итить-колыхать...

В гробу, поднятый на высокую подушку, лежит священник или монах. Черная ряса выглядит как новая, на ней блестит тяжелый золотой крест, в иссохших пальцах – драгоценные четки, длинная белая борода выглядит странно отдельно от лица, вместо которого скалится череп.

– Не прикрыли ничем, с чего бы это?

– А ты сюда глянь.

Крышка гроба изнутри исцарапана, и напарники придвинулись ближе друг к другу.

– А ты говоришь – с ума я сошел. Все как в фильме, его заживо похоронили, он, наверное, был колдуном, точно тебе говорю!

– Вот ты дурак! Я в Интернете читал, что раньше была такая штука – сонная болезнь, типа летаргии, а медицина была так себе, и потому многих хоронили заживо. В Англии даже звоночек к могиле крепили, а веревку в руку покойнику давали – вдруг он окажется жив, чтоб сигнал подал. Видно, случались прецеденты. Подними его, я крест сниму.

– Сам поднимай...

– Да не ссы, лопатой подними, кто тебя заставляет руками за него хвататься! Смотри-ка, а это что?

Под подушкой виднеется книга, и подушка совсем легкая, приподнять ее просто.

– Это не Библия, и не Евангелие, и вообще не религиозная книга, судя по картинкам. И по-латыни написано. Странно, что на могиле нет указаний, что похоронен священник, и почему здесь его похоронили? Тут актрис закапывали да прочую шушеру, совсем квартал был непрестижный, а такой крест, что у него на шее, должен был принадлежать очень высокому церковному иерарху.

– Так что за книга-то?

– Не знаю. Давай поройся у него в карманах, может, еще чего найдется.

– Да ну его.

Луна, до этого светившая во все свое круглое лицо, теперь зашла за тучи, набежавшие невесть откуда, поднялся ветер, и потянуло зябкой сыростью, а запах тлена стал невыносимым.

– Он сгнил полностью, одни кости и борода, что ж так воняет?

– Грузим на тачку и двинули.

Свет фонаря выхватил из тьмы сваленный на землю камень с надписью:

Корнелий Качинский

1796–1899 от Р.Х.

Забвенье – свобода.

– Старикан больше ста лет проскрипел, в немалых церковных чинах был, видать, а закопали его среди лицедеев и нищих – что ж такое он сделал?

– Ну так южную часть кладбища, где аристократы гробниц понастроили, еще восставшие матросы перекопали, а сюда никто не сунулся, что с актрисок чахоточных взять, купцы их содержали живых – ради удовольствия телесного, а с мертвых-то проку нет, хоронили не так чтоб пышно, сам понимаешь. А вот этого, конечно, зарыли тут не зря, что-то он наколобродил при жизни. Ведь тут и земля могла быть неосвященная, в Европе, например, актеров и вообще не хоронили в освященной земле, знаешь?

– Нет, впервые слышу. Откуда ты все это знаешь? И что это за дискриминация по профессиональной принадлежности?

– Книжки умные читаю, это тебе не дерьмо киношное. Ремесло считалось низким, а дамы были синонимом проституток, только что без желтых билетов. Ну, что глядишь? Проституткам выдавались такие удостоверения – «желтые билеты» назывались, что-то вроде прописки, чтоб можно было их как-то учитывать и контролировать. Актрисы же считались в обществе где-то совсем недалеко от дам полусвета, так сказать, потому что практически все были содержанками купчишек разных, а кто почище, то и аристократов богатых кадрил. Но сословие было тогда весьма презируемое, а смертность была среди них высокой из-за нездорового образа жизни, плохого питания и беспорядочных половых связей. И что здесь делает наша балерина – понятно, негде ей было приземлиться, кроме как здесь, а деда этого тут не должно быть, по идее.

– Нашел об чем думать! Какая разница, толкай, что ты как неживой!

– Что значит – какая разница? А если мне любопытно? Барышне кринолин распотрошить не мешает, и у деда потайные карманы могут оказаться.

– Ты извращенец, знаешь?

– Зато с некоторых пор богатый извращенец. И ты тоже, благодаря мне. Много бы ты на своем честном ремесле заработал? То-то и оно. Ладно, поторопись, что-то зябко становится, и темень нахлынула, куда только луна подевалась...

– А помнишь старый фильм – «Ночь живых мертвецов»? А потом еще несколько частей – «Возвращение живых мертвецов», особенно первая и вторая части жуткие. Ну, помнишь – в бочках газ, который, как бочку открыть, начинает дымиться, и от него из могил восстают покойники...

– Ты тронулся с этими фильмами, честно тебе говорю! Зачем ты смотришь такую хрень?

– А чего... Я люблю страшные кинохи.

– Ну, и кто из нас извращенец?

Они потащили тележку в сторону дорожки, ведущей к крематорию.

– Конечно, мы теперь богаты. Только я вот не хотел бы, чтоб через сто лет мой гроб вот так потрошили, специально ничего пусть туда не кладут.

– Я вот хочу, чтоб меня кремировали – как мы этих сейчас. Чистое дело: прах горит, остается кучка пепла – ни тебе черви, ни грабители. Ссыплют пепел в урну да и зароят – и приличия соблюдены, и материальных претензий даже спустя сто лет никаких. Толкай, киноман, нам еще за надгробиями пилить!

– Завтра бомжей заставим, пусть перетащат. Ты видал, какой ветер? Да и устал я, честно говоря.

– И то верно. Кстати, почтенная профессия грабителей могил известна еще со времен Древнего Египта, чтоб ты знал.

– Ага, я кино смотрел, «Принц Египта» называется, там...

– О господи! Кино он смотрел! Ты скоро последние мозги растеряешь со своим кино. Книжки надо читать, а не в ящик пялиться. А в том кино археологи были, а я тебе толкую о грабителях могил. Вот хоронили фараона, охраняли его гробницу, а эти ребята все равно пробирались туда и уносили золота немерено. Правда, если их ловили, то их визг был слышен на весь Египет. Царей тогда с размахом хоронили, золото ведрами несли.

– На что оно им там было, непонятно. А вот я смотрел фильм, там о проклятии гробницы, жрецы египетские накладывали проклятие, и любой, кто...

– Ага, все умирали, кто нарушал покой фараона. Наука доказала, что это не проклятие, а такой грибок невидимый, микроскопический, вдыхает его человек – и все. А насчет золота... У египтян была своя философия насчет того, что и как будет с ними в загробном мире, отсюда и кучи разных предметов в гробницах. И не только у египтян, это многие практиковали: и скифы, и викинги, и американские индейцы. Считалось, что все предметы, которыми пользовался покойный при жизни, понадобятся ему на том свете. Только у всех была разная концепция того, что их там ждет. Ну, да как по мне, то ничего там нет, и сказки эти выгодны были священникам да властям, чтоб стадо в повиновении держать и свое бабло стричь. Но народ массово покупал индульгенции, откупался от вечных мук и тащил деньги толстопузым мошенникам, которые отлично жили на чужой глупости. Да и по сей день все то же самое, и даже когда хоронят, то кладут покойникам и очки, и прочее, я сам не раз это видел, а цыгане вообще хоронят своих по египетским правилам.

– Это как же?

– А ты видал то там, то сям здоровенные бетонные площадки, примерно полметра в высоту? Мы проходили целый квартал таких.

– Ну...

– Это цыганские захоронения. Роят большую яму, но не такую, как нашим – метр на два, а большую и глубокую, как котлован. Чем богаче семья, тем глубже и шире яма. Стенки

укрепляют, делают комнату настоящую, часто даже с обоями и коврами. Ставят мебель, картины вешают, а покойника кладут на кровать – иногда в гробу, иногда так, и все его вещи – одежду, обувь, украшения – тоже кладут с ним, в шкафы вешают, цапки в шкатулку. Выпивку оставляют, деньги, золота много. Сверху укладывают большую бетонную плиту и поверх делают бетонную подушку, метра полтора в высоту, а над землей виднеется полметра максимум. Иногда ставят и памятник, иногда не ставят, и даже надписи никакой не делают, но ритуал такой.

– И никто не разрыл?

– Дурак ты, куда там – разрыть! Без головы останешься. Все, хватит болтать, пришли почти, фонарь горит у входа, видал – свет виднеется.

– И вовремя, наш-то фонарь вот-вот погаснет.

Крематорий приветливо подмигнул им фонарем над входом и освещенными окнами комнаты персонала. Ветер стал совершенно неуправляемым, валил с ног, и фонарь на жерди все-таки погас, и если бы не свет от дверного фонаря и окон крематория, они бы, наверное, заплутали, но идти на огонек несложно.

2

Песок оказался тяжелым, корни деревьев проросли сквозь него, и копать было тяжело. И лопата с короткой ручкой, одолженная час назад у кума Андрея, тоже не способствовала продуктивному рытью ямы.

И слезы.

Нет ничего более окончательного, чем смерть. Особенно если это смерть кого-то настолько любимого, что без него жизнь кажется невыносимой. И ночь у реки, которая делит город на Левый и Правый берег, не радует – потому что она поделила жизнь на две части: счастливую – и ту, что отныне во Тьме.

Сима нажала на ручку лопаты, разрезая толстые корни. Желтый свет фонарика умирал, и с каждым ударом лопаты умирала и ее, Симины, размеренная и счастливая жизнь. А маленькое тельце, завернутое в чистую наволочку, лежало на траве и ждало, когда яма станет достаточно глубокой.

Вот обрублены все корни, пошел влажный песок, и Сима выгребала его руками, всхлиывая и почти ничего не видя от слез. Хотелось кричать в голос, выть на всю вселенную, а мысль о том, что сейчас она зароет здесь единственное существо, которое любила, – зароет далеко от дома, около реки, и уедет, а он останется, и больше никогда уже они не увидятся, – лишала ее последних крох самообладания.

Яма получилась овальной и глубокой. Ее песчаные стенки гладкие и холодные, и Сима села на траву, чувствуя, как болят натруженные непривычной работой руки. Эта боль могла бы, наверное, хоть немного отодвинуть ее горе – но один взгляд на маленькое тельце в белой наволочке, лежащее тут же, около влажной ждущей ямы, и Сима разразилась громкими рыданиями. Руки в песке, и вытереть лицо она не могла, и слезы капали на песок, а она дотянулась до фонарика, осветила наволочку и развернула ее.

– Сэмми...

Черная бархатная голова, атласно блестящие усики, милый носик. Сима тронула треугольное ушко, пушистую лапу – когда-то такую сильную, а теперь безжизненную, погладила бархатистый бочок. Она понимает, что время идет, фонарик гаснет и нужно завернуть тельце и опустить его в яму, но сил нет. Еще раз коснуться, еще раз посмотреть на него, ощутить пальцами такую знакомую мягкую шубку. Нужно отпустить.

Так сказал ветеринар: отпустите его.

Но как? Усыпить?!

Пока она везла его в клинику, думала, что готова к такому исходу.

Он болел почти год. Сначала ослеп на правый глаз – Сима возила его по докторам, но все в один голос заявляли: не надо операций, ему больше пятнадцати лет, он не переживет. Казалось, однако, что никакого дискомфорта ему эта частичная слепота не доставляла, он все так же хорошо ел, довольно урчал, когда его гладили, и гонялся за бантиком на веревочке. Его хищный интерес к жизни не угас, и Сима успокоилась: ничего, малыш, проживем и так, второй-то глазик по-прежнему видит и по-прежнему прекрасен.

Но где-то в апреле он резко похудел и стал вялым, почти все время спал и практически перестал есть. Сима покупала ему вкусные паштеты и прочие кошачьи радости, но вес не набирался, а доктор сказал, что отказывают почки. И снова ничего не стал делать – потому что делать уже было нечего. Сима нашла другую клинику, где Сэмми стали делать капельницы, но от капельниц отчего-то стало только хуже, и Сима смирилась. Теперь они спали совсем рядом, он сворачивался в клубок около ее подушки, и ночью Сима просыпалась, чтобы послушать его дыхание и погладить его, шепча: не уходи, прошу тебя, останься со мной, мы с тобой одной крови!

Ей казалось, что, когда он спит, его душа лучше ее слышит.

И он не уходил, пока мог.

В начале мая они вместе съездили на дачу – он ходил по двору, осторожно ступая по траве, и Сима люто надеялась, что весна исцелит его, что они вместе походят босиком по свежей траве и смерть и на этот раз отступит – мало ли у нее других дел, зачем ей Сэмми?

Но оказалось, что он прощался с домом, где проводил каждое лето, охотясь за мышами в летней кухне. Сима ужасно боялась мышей и с гордостью говорила знакомым, что в вопросе мышей она за своим котом как за каменной стеной. И это была чистая правда: благородный обладатель родословной с десятками именитых чистокровных британских предков охотился на мышей в летней кухне ее сельского дома как самый обычный кот, вот только добычу никогда не ел. Он и вообще не понимал, что существуют какие-то иные съедобные вещи помимо кошачьего корма.

И Сима знала, что он так же, как она сама, любит тот старый сельский дом, и привезла его – а он простился. Обошел все свои владения и укромные уголки, где так любил прятаться, попробовал влезть на грушу, но не смог, а потому ушел на веранду и уснул в кресле. Сима смотрела на него и думала: нет, он не может вот так взять и оставить ее, это неправильно! Ведь они только-только обрели свой угол, жизнь как-то наладилась, пришла финансовая независимость и определенность, только жить да радоваться, а тут вот так взять и умереть, словно это что-то нормальное!

И еще сегодня утром Сима покормила его вкусными мясными кусочками, а днем он вышел ей навстречу, когда она открыла дверь. Он сидел на пороге и смотрел на нее своим единственным глазом, таким ярким на фоне черной шерсти. Она взяла его на руки и прижала к себе, мир был счастливым и привычным. Они посидели на балконе, потом Сима уснула, и Сэмми уснул, свернувшись в клубок. Но, проснувшись, она не обнаружила его рядом – он лежал в коридоре, лова сквозняк, потому что терпеть не мог жару, а она уже начиналась, а Сима с тревогой подумала, как же он переживет лето, ведь он так болен.

Она работала, потом отослала заказчику сделанное и вышла на кухню. И он встал и пошел за ней, но около двери вдруг упал. Пытался встать на лапы, но не получилось, и ползти тоже – она сама опустилась рядом с ним на колени и погладила его, он вяло вильнул кончиком хвоста: знаю, мол, что ты рядом, рад.

Давясь слезами, Сима осторожно погрузила его в переноску и, заперев дверь, спустилась вниз, к машине. Она не могла ему позволить вот так умереть, и пусть доктора делают что хотят, но он не должен уйти!

И понимала, что, возможно, ей предстоит принять нелегкое решение.

– Я знаю, что тебе плохо. Слышишь, братюня? Я отпущу тебя, если ты захочешь, но ты подумай, на кого ты меня оставишь... – Горе уже сдавило ей грудь, и слезы катились по щекам. – Не бросай меня, я прошу тебя, не уходи! Будет лето, поедem на дачу, ты там на травке оживешь совсем, выдержишь еще чуток, только не умирай, не бросай меня, ведь мы только вдвоем, ты и я!

Клиника была пуста – десять вечера, и дежурный врач курит на крыльце. Сима достала с заднего сиденья машины переноску и быстро пошла к освещенному крыльцу, и врач, словно поняв, зачем она приехала, бросил окуроч и шагнул внутрь – Сима слышала, как он зовет медсестру, а она прислушалась к дыханию внутри переноски. Дыхание было частым и хриплым.

Мир вокруг вдруг стал пустым и гулким.

– Карточка есть у вас? – Медсестра выдвигает ящик. – Как зовут котика?

– Сэмми. – Сима всхлипнула. – Мы были недавно.

– Нашла. – Медсестра достала синюю карточку. – Ступайте в приемный покой, доктор сейчас будет.

Сима подхватила переноску и вошла в пустой приемный покой. Привычно взяла с полки чистую простынку, постелила ее на смотровой стол и осторожно достала неподвижное тельце из недр переноски. Раньше он бы протестовал и попытался удрать, но сейчас лежал на столе, тяжело и часто дыша, и Сима от отчаяния и страха сжалась, ожидая худшего.

– Отказали почки, полностью.

– Так сделайте что-нибудь, можно же что-то сделать! Капельницу там или...

– Ему почти шестнадцать лет. – Врач вздохнул. – Это очень почтенный возраст для кота, а для британа так и вообще. Он должен был умереть еще месяц назад, но каким-то чудом прожил его. Ты можешь сейчас плюнуть мне в лицо и уехать в другую клинику, но от старости лекарства нет. Отпусти его, он и так оставался с тобой столько, сколько мог, но больше нельзя, просто отпусти его, он же мучается!

Сима обняла безжизненное пушистое тельце и зарыдала. Врач, вздохнув, потянулся за сигаретами.

– Давай подумай, а я покурю пока.

Они остались вдвоем в пустом приемном покое.

Сима наклонилась к Сэмми и погладила пушистый бочок, тяжело и часто вздымающийся.

– Не бросай меня, пожалуйста. Я с тобой, мы это преодолеем, не уходи!

Его оранжевый глаз смотрел на нее непроницаемо и знакомо, а сердечко под ее рукой билось часто-часто. Слезы Симы падали на его шубку.

– Я не отпускаю тебя, слышишь? Мы сейчас поедем домой, и ты выздоровеешь, я куплю тебе тех паштетов, что ты любишь, а через неделю на дачу поедем и...

Он тронул лапой ее ладонь, и Сима замерла.

И его дыхание тоже замерло. Оранжевый глаз все так же смотрел на нее, но сердце под ее пальцами уже не билось. И Сима, поняв, что произошло, заплакала громко, беспомощно, четко осознавая, что он только что не дал ей принять решение, за которое она не простила бы себя никогда. Он и сейчас, в свой последний миг, позаботился о ней – как смог.

Доктор тронул ее за плечо, но она почти не заметила этого. Осторожно уложив пушистое тельце в переноску, спросила:

– Сколько я вам должна?

– Нисколько. – Доктор бросил окурок в урну и покосился в сторону машины. – Может, не надо за руль? Позвони кому-нибудь...

– Некому звонить.

Взяв переноску, она вышла из клиники и села в машину. Переноска заняла свое привычное место на заднем сиденье. Фонари замелькали за окном, Сима сжала руль и выехала на проспект. Нужно что-то делать – лопаты нет, но у одного приятеля есть, надо только позвонить, а похоронить лучше около подъезда, чтобы он был рядом, чтобы не чувствовал себя брошенным.

– Глупость ты придумала. – Приятель вручил ей лопату. – Давай поедем на набережную, там...

– Я сама.

Она поднялась по лестнице, держа переноску. Ей казалось, что он должен еще раз побывать дома и уже из их общего дома, а не из безликой и холодной клиники, отправиться в свой последний путь. Она вытащила его из переноски вместе с маленьким матрацем и уложила на ковер в коридоре. Умывшись, ушла в спальню и нашла в шкафу наволочку, в которую собиралась завернуть тельце, потом наломала на балконе цветов герани. Все внутри сплелось в один ком пульсирующей боли. Сима уселась на ковер рядом с тем, что еще полчаса назад было Сэмми, ее неизменным верным другом и кровным братом, и погладила пушистую шубку.

– Если бы ты знал, как сильно я люблю тебя! – Сима тронула пальцем треугольное ушко с крохотной милой кисточкой. – Если бы ты только знал... Да ты, я думаю, знаешь уже. И сейчас ты, наверное, уже на пути в Валгаллу... или на Радугу. А что мне теперь делать на свете – без тебя, ты не подумал? С кем я поеду на дачу? Кто поймает мышей в летней кухне? А когда настанет ночь, я буду бояться одна в доме, без тебя.

Сима завернула тельце в наволочку и прижала к себе. Ей казалось, что оно еще теплое, и она невольно прислушалась: а вдруг он жив, а вдруг доктор ошибся? Но его сердце молчало.

Собрав цветы, Сима вышла из дома и погрузила свою ношу в машину, а сама вернулась к подъезду. Мысль о том, что его придется оставить где-то далеко, казалась ужасной. Нет, она похоронит его здесь, в палисаднике, а вокруг посадит цветы... Она достала из багажника короткую лопатку и принялась копать, но в городе давно не было дождя, и земля оказалась твердой, напичканной стеклами и битыми кирпичами, перевитая корнями огромных вязов, растущих у дома, и Сима поняла, что здесь, да еще такой лопатой, ей не вырыть яму нужной глубины.

Оставалась набережная. Вдоль всего пляжа тянется широкая полоса деревьев, за которыми начинается берег, и там много уютных мест, где можно просто посидеть в тишине. И Сэмми там будет неплохо. Если можно сказать «неплохо», когда он умер.

И песок – это лучше, чем битые кирпичи и стекло.

– Я буду приезжать к тебе, ты не думай, что я тебя бросила.

Сима трогает его голову через тонкую ткань застиранной наволочки. В яме сверток с тельцем кажется совсем небольшим.

– Я не знаю, как теперь буду жить, честно, не знаю.

Сима отчаянно заплакала и бросила в яму горсть песка. Фонарь погас, и дальше она забрасывала яму песком в полной темноте, а в каких-то десяти метрах от нее по набережной сплошным потоком шли машины, где-то слышалась музыка, город жил своей обычной ночной жизнью, а Сима забрасывала песком то, что еще час назад было ее котом, ее самым дорогим существом на всем свете, и плакала навзрыд.

Достав сотовый, осветила могилку и поправила ее по краям, потом уложила ярко-красные цветы герани.

– Я завтра приеду. – Сима погладила небольшой песчаный холмик. – Привезу тебе лепестков, побуду с тобой, ты не думай, ты не один здесь.

Поднявшись, Сима нашарила в траве фонарик и лопату и пошла в сторону дороги, где припарковала машину. Завернув лопату в пакет, она отряхнула от песка руки и одежду и села в салон. Уехать казалось немыслимым. Они же никогда не расставались, шестнадцать лет шли по Тропе рядом, и теперь Сима осознала, что осталась совершенно одна. И сейчас ей надо вернуться в пустую квартиру.

Если раньше ей говорили: разве тебе не страшно ездить на дачу и ночевать там одной, она удивлялась: я не одна, я же с котом! Его присутствие наполняло ее жизнь счастливым покоем, и она не понимала, зачем люди задают ей эти вопросы насчет почему она одна. Она не была одна, она была со своим котом, а люди не понимали, что иногда кота достаточно. По крайней мере, Симе всегда было достаточно.

Но теперь она оставила его в темноте, в сыром песке, пахнущем рекой, а сама едет в их дом, который отныне опустел и враз стал каким-то чужим.

В машине тепло и немного душно, Сима открыла окна. Нужно уезжать, она понимает, что нужно – но не может. И вдруг пришло ощущение, что она в машине не одна. Точно такое же ощущение было, когда они ехали куда-то вместе: он спал в переноске на заднем сиденье, а она вела машину, чувствуя его рядом. И сейчас это ощущение присутствия вернулось, и

Сима обрадовалась. Значит, он не ушел, не бросил ее, он просто перестал быть виден, но не перестал быть, а это же самое главное!

– Мы теперь можем и на работу вместе ходить, если захочешь.

Ощущение присутствия на заднем сиденье машины успокоило Симу.

– Я же знаю, что ты не ушел, а остался со мной. Просто я тебя не вижу. – Сима при тормозила у светофора. – Но мы сейчас вернемся домой, и все будет по-прежнему. Я же не перестала тебя любить потому, что перестала видеть? Конечно нет. А значит, все будет как раньше, а может, и лучше – теперь тебе можно со мной повсюду бывать. Завтра поедем в офис брачного агентства, посмотришь, какая там скука. А в офисе турфирмы большой аквариум, мы с тобой вот все хотели такой завести, да так и не собрались, а там рыбы – хоть сейчас на сковородку... Хотя, конечно, есть аквариумную рыбу – все равно что жарить котлеты на губной помаде. Посмотришь, какие там рыбы.

Сима въехала во двор, припарковалась и, взяв из багажника пакет с лопатой, пошла к подъезду. Ощущение присутствия не покидало ее. Поднявшись по лестнице на свой второй этаж, она вытащила ключ, но дверь оказалась незапертой, и Сима вспомнила, что так и не закрыла ее на замок, уходя, – руки были заняты, да и не до того было. Кодовый замок на двери подъезда вполне справлялся со своей задачей.

Сима вошла в квартиру. Уходя, она оставила в коридоре свет и сделала это автоматически. Дело в том, что Сэмми отчего-то особенно ненавидел оставаться один в темноте. Вероятно, хотя Сэмми отлично видел в темноте, в пустой темной квартире ему было психологически неуютно, а потому Сима всегда оставляла ему включенным светильник в прихожей – когда уходила, зная, что вернется затемно, и он тогда укладывался и засыпал. Если же ей случалось задержаться случайно и Сэмми оставался в темноте, то, когда она открывала дверь, он уже ждал ее на пороге квартиры, и взгляд его был обиженным и осуждающим, словно говорил: «Если я кот, значит, меня можно вот так бросать? Ну, погоди у меня!», и долго потом обижался, иногда целых десять минут – но всегда прощал ее, конечно же. Он был бесконечно снисходителен к ее недостаткам, что Сима особенно ценила. Вот и сейчас она, уходя, по привычке оставила свет и вдруг поняла, что больше не для кого его оставлять.

Но придержала дверь, задержавшись на пороге. Ей надо было точно знать, что он успел попасть в квартиру. Кто знает, умеют ли призраки котов ходить сквозь стены? Сима надеялась, что умеют, но дверь все-таки придержала, мало ли, вдруг Сэмми пока не научился, он же совсем недолго ходит в призраках...

Она запихнула в стиральную машинку испачканную одежду, отмыла лопату и встала под душ. Горе словно задремало, и она вспенила гель, пахнувший какими-то травами. И этот запах был сплошным обманом, потому что никаких трав в составе этого геля отродясь не водилось, несмотря на заявленные «эликсиры», а водились сплошная химия и ароматизаторы, но это было не важно, Сима считала моющие средства величайшим достижением человечества. И сейчас, окутав себя пряно пахнущей пеной, она думала о том, как теперь станет жить, и по всему выходило, что очень хреново. Без кота ее жизнь станет пустой, как скорлупа моллюска.

Выйдя из душа, Сима прислушалась. На кухне что-то шуршало, и она успокоилась – значит, он здесь.

– Давай спать ложиться, что ли.

Сима разобрала постель и улеглась, прислушиваясь: зимой он спал вместе с ней на кровати, но когда наступала жара, никогда не приходил к ней спать, ложился на паркет под всеми ветрами из открытых окон. Вот и сейчас, наверное, он где-то ловит свой сквозняк, и это ужасно бестолково, вряд ли призракам бывает жарко. Впрочем, она ничего не знала о призраках.

Утро обещало быть мерзким, и Сима уснула, прислушиваясь к шуршанию на кухне и думая о том, надо ли убрать его мисочку и лоток. Она уснула, ведя среди себя этот спор, и Тропа вдруг оказалась под ногами, но Сима впервые не пошла по ней. Ее больше не интересовали ворота, и туман пусть стоит над ними вечно, ничего не надо. Потому что больше ее уже никто не ждал обратно, а сидеть там, зная, что можно остаться, – глупо. Ну, даже если и останется – дальше что?

Кто-то знакомо тронул ее ноги, и Сима от счастья засмеялась – Сэмми был здесь, впервые они были на Тропе вдвоем! Сэмми побежал вперед, и Сима пошла за ним. Ворота закрыты, и Сима боится, что сейчас Сэмми проскользнет сквозь прутья, а она останется снаружи.

Но Сэмми уперся в ворота головой, и они подались! Сима глазам своим не поверила – подались! Она бывала здесь несчетное количество раз, и ворота стояли неподвижные и неумолимые, как гаишник, остановивший после пересечения двойной сплошной, а Сэмми стоило просто подтолкнуть их – и вот они открылись!

Сима вошла в туман, но тумана никакого нет. Дорожка, вымощенная белыми плитками, ведет вправо от ворот, и Сэмми сидит на ней и щурится, глядя на Симу высокомерно и величественно.

– Сэмми...

Симе хочется поднять его на руки и прижать к себе, но Сэмми побежал по дорожке, и Сима пошла за ним, боясь отстать. Дорожка упирается в огромное поле цветущей лаванды, и от запаха у Симы закружилась голова, и Тропа ускользнула, но Сэмми – вот он, не бросил ее, посмотрел на нее и коротко мяукнул. Сима открыла глаза – на часах было начало девятого, и если бы кот не разбудил ее, она непременно опоздала бы, потому что вчера не завела будильник.

Но короткое требовательное мяуканье разбудило ее.

И Сима вспомнила вчерашний вечер, и пустую гулкую клинику, залитую холодным светом, и запах мокрого песка. И ощущение присутствия в машине тоже вспомнила, и шорох на кухне.

Квартира была пустой и тихой, словно нежилой. Сима прошлепала на кухню, достала из холодильника банку апельсиновой шипучки. Она старалась не смотреть на две мисочки рядом с холодильником – выбрасывать их или нет, она пока не пришла к однозначному выводу. Ночное шуршание на кухне и утреннее мяуканье, разбудившее ее, убедило в том, что она не осталась одна, но мисочки выглядели сиротливыми и ненужными.

– Я просто уберу их, но выбрасывать не стану. – Сима нагнулась и подняла мисочки, поставила их в мойку. – А лоток выброшу, лоток тебе уж точно не нужен.

Успокоив себя таким образом, Сима отхлебнула из банки шипучку и икнула. Шипучка натошак всегда вызывала у нее икоту, но Сима все равно пила ее, вопреки уверениям диетологов и врачей о вредности сладких газированных напитков. Она не любила менять свои привычки, она вообще не любила никаких перемен, которые не касались работы, и утренний ритуал с апельсиновой шипучкой настраивал ее на рабочий лад.

Ее преследовал запах лаванды, и Сима заключила, что сходит с ума. Одевшись, она подумала о завтраке, но больше по привычке, потому что есть совершенно не хотелось, и она решила, что когда захочет, то поест где-нибудь в городе.

В дверь позвонили, и Сима вздохнула – это тоже некий ритуал, надо бы отключить дверной звонок, но она уже знает, что это бесполезно. Тогда в дверь начинают стучать ногами.

– Открой, я знаю, что ты дома!

Это соседка снизу, Анна Мироновна. Отчего-то она выбрала Симу объектом для своих претензий, и Сима вынуждена выслушивать бред, который Анна Мироновна выливает на

нее если не каждое утро, то достаточно часто. На этой неделе соседка приходила трижды, и Сима всякий раз с трудом спроваживала восвояси злобную агрессивную старуху, несущую какую-то чушь, и знала при этом, что завтра та вернется, чтобы снова ее доставать. Так было с тех пор, как Сима въехала в эту квартиру, и другие соседи с интересом наблюдали за их поединком и, как казалось Симе, даже делали ставки.

Все дело было в том, что Анна Мироновна, по ее словам, очень дружила с предыдущими жильцами и никак не могла смириться с тем, что ее больше не впускают в квартиру. Сима подозревала, что жильцы съехали как раз из-за того, что Анна Мироновна слишком активно дружила с ними и проводила много времени у них на кухне или в гостиной. Это и не удивительно, потому что из ее собственной квартиры по всему подъезду несло неопишемое зловоние, особенно когда старуха оставляла дверь открытой.

О нежной дружбе с полоумной агрессивной бабкой прежние жильцы Симе сообщить забыли, и с первого дня жизни на новом месте ее ждал неприятный сюрприз, и так продолжалось уже скоро год, никакие уговоры на старуху не действовали, как не действовал игнор, и с практически ежедневными визитами и скандалами Сима ничего поделать не могла.

Но сегодня она вдруг подумала: нет, этому пора положить конец. Хватит быть жертвой, уже достаточно того, что умер кот, и больше она не допустит, чтобы какая-то старая идиотка третировала ее. Неправильно это и недостойно. Сэмми был настоящим бойцом, достойным чертогов Валгаллы, он даже ворота сумел одолеть – те, которые она не могла открыть столько, сколько помнит Тропу, а это с самого детства, а она что же?

Звонки в дверь следовали непрерывной чередой, и Сима набрала номер полиции. Долго втолковывала сердитой девушке на другом конце провода, что происходит, а потом вдруг заплакала от бессилия и отчаяния и оттого, что вот кот был бойцом, а она не может справиться с ситуацией без полиции, а полиция все не едет и не приедет, наверное. Потому что у нее полно других, более важных дел, чем соседские склоки, где пока нет даже завалящего трупа.

– Эй, не реви, слышишь? – Девушка-оператор сбавила тон. – Кот умер – это ужас, конечно. Каждый день, говоришь, бабка является скандалить?

– Да. Вот в дверь звонит, слышите?

Звонки подтверждались ударами в бронированную дверь.

– Это она так ломится?!

– Да. Если не открою, то до вечера будет торчать под дверью, звонить, орать на весь подъезд, другие жильцы потом на меня косятся...

– На тебя, а не на нее?!

– Ага. – Сима шмыгнула носом. – А мне на работу...

– А работаешь где?

– Много где... – Сима вздохнула. – Я работаю переводчиком на нескольких фирмах.

– Переводчик, значит... – Девушка-оператор вздохнула. – Ладно, не реви, сейчас что-то придумаем, выдержишь минут десять, сможешь?

– Десять – смогу, а дальше мне на работу. А открою, эта идиотка ринется на меня, а если случайно ее толкну...

– Да, чуть тронешь – беды не оберешься, она тебя по судам затаскает. Тут же появятся врачи, сердечный приступ, телесные повреждения обнаружатся, и прочее. Я знаю таких граждан, не открывай ей, наряд уже едет. А с каких языков переводишь?

– С датского, польского, чешского и норвежского.

– Ого!

– Да, это не очень распространенные языки, так что моя работа вполне востребована.

– И в брачных агентствах работаешь?

– В двух.

– Слушай, как там тебя... Сима, да. Ты мне оставь номер своего сотового, есть разговор. Меня зовут Таня, Логуш Таня. Я позвоню тебе, если можно, очень надо.

– Пиши...

Сима диктует номер своего сотового, и Таня записывает, деловито сопя в трубку.

– Мне тебя сам Бог послал, не иначе! Слушай, а ты сегодня вечером что делаешь?

Вечером Сима собиралась поехать туда, где оставила вчера своего кота. Но не говорить же об этом незнакомой девушке. А другой правды все равно нет.

– Ты на машине? Я заканчиваю в шесть, сможешь подъехать ко мне? Слушай, я знаю, что это наглость с моей стороны, но нужно позарез, а где мы еще пересечемся?

– Ладно, заеду в шесть. Только дай мне свой телефон, чтоб я могла позвонить.

– И то правда. Я тебе сейчас звякну... Вот, звоню. Номер определился?

– Ага. Я позвоню. Ой, там что-то происходит.

– Так иди, смотри, потом расскажешь.

Таня хихикнула и отсоединилась, а Сима побежала к двери. В глазок видно, как двое патрульных оттаскивают Анну Мироновну от ее двери, а третий поднимает руку к дверному звонку. Сима вздохнула и открыла. Анна Мироновна, завидев ее, рванулась из рук патрульных, но те крепко держали ее, и только затрещал застиранный фланелевый халат.

– Твой кот сегодня утром нассал у меня под дверью! – Анна Мироновна попыталась достать Симу ногой, но патрульные крепко держат ее. – Ты мне за все заплатишь, тварь! Всю ночь танцульки, мужиков водишь, шалава, я...

Дверь напротив открылась, и на пороге показался плотный коротко стриженный мужик лет сорока, в джинсах и обтягивающей майке.

– Вы старую дуру не слушайте. – Он хмуро смотрит на патрульных. – Она повадилась девчонку третировать, а мы и рады-радешеньки, что не кого-то из нас. Гадостно это, да что правда, то не грех. Каждый день она у нее под дверью куролесит и скандалит, а бывает, что и не раз, так что если арестуете ее, то я дам показания. Сил нет смотреть на это безобразие – одна полоумная старуха ставит на уши кучу народу! Жильцы-то прежние из-за нее съехали, квартиру за бесценок, считай, отдали, покой дорожке оказался. А насчет танцулек да мужиков – не верьте, отродясь не было этого. Девчонка тихая, приличная, таких сейчас мало.

– То есть вы подтверждаете, что гражданка действовала из хулиганских побуждений?

– Подтверждаю. – Мужик виновато посмотрел на Симу. – Прости, детка, что не вмешался раньше, я эту старую суку давно знаю, она чуть что в суд бежит и годами может человека мурыжить по судам. Но теперь все, конец, теперь мы ее сами по судам потаскаем. Есть у меня приятель, очень хороший адвокат, и я не я буду, если мы эту плесень не одолеем сообща. Так что, писать протокол будешь, сержант?

– Буду. – Полицейский хмуро смотрит на притихшую старуху. – Везите в отдел, посадите в обезьянник, пусть остынет. А вы, граждане, сейчас будете участвовать в составлении протокола.

– И я тоже.

С верхнего этажа спустилась пухленькая женщина лет тридцати пяти, в клетчатом переднике, надетом поверх коротких домашних брючек. Сима не знает, как ее зовут, но иногда встречала на лестнице, и они здоровались.

– Я на третьем этаже живу, и вроде бы не мое дело, но Николай прав, старуха над девчонкой просто издевалась. Ждала, когда у нее терпение закончится, не иначе, а девчонка такая уж безответная попалась, вот она и распоясалась.

– Ах ты...

– Шалава, да, – женщина ухмыльнулась. – Плавали, знаем. Или забыла, что мой Павел тебе приказал три года назад? Тогда ты сразу тише воды ниже травы стала, пока новую жертву себе не нашла. Так что я тоже готова дать показания, пусть эту старую тварь закроют

за издевательства над человеком. Виданное ли дело, вытворять такое! Имейте в виду, офицеры, она сейчас примется хвататься за сердце и терять сознание – так вы ей не верьте, это аферистка и актриса та еще, запросто изобразит вам хоть инфаркт, хоть безумную, блин, Офелию, но она вполне в своем уме и здорова, как лошадь.

Упирающуюся Анну Мироновну увели патрульные, а в квартиру Симы гурьбой вошли соседи и полицейский.

Сима вздохнула – похоже, на работу опоздала, но дело того стоило.

– А кот же твой где? – Женщина огляделась по сторонам. – Красавец кот, один раз видела его на лестнице, выбежал из квартиры, когда ты цветы в подъезде поливала, еще тогда подумала, что сколько живу на свете, а такого красивого кота не встречала.

– Сэмми... его звали Сэмми. Он умер. – Сима изо всех сил старается не заплакать. – Этой ночью.

Не заплакать не получилось, и сосед, которого, как оказалось, зовут Николай, погладил Симу по голове, а соседка, горестно охнув, побежала на кухню за водой. Полицейский молча разложил на столе в гостиную бумаги и взглянул на Симу.

Она кивнула – конечно, она может отвечать на вопросы. Она же боец, а не беспомощная жертва.

Теперь, когда не стало Сэмми, она больше не может себе позволить быть слабой.

3

Песок на холмике уже подсох. Сима села рядом и замерла. За кустами блестела река, были слышны голоса отдыхающих – конечно, вечер пятницы, люди устремились на реку, и Сима была рада тому, что похоронила Сэмми именно здесь, вдали от троп и дорожек, между двумя огромными тополями. Теперь они могут побыть вместе.

– Снова приходила старуха. – Сима гладит песчаный холмик, усыпанный лепестками роз. – Но на этот раз я не спасовала, полиция говорит, что завели на нее дело за хулиганство. Но это не важно. Я твои мисочки вымыла и поставила в шкаф, а лоток выбросила, зачем он тебе теперь? Я знаю, что ты не ушел... Но лучше бы ты выздоровел и оставался со мной, Сэмми, потому что без тебя мне никак.

Сима заплакала тяжело и горько. Ощущение одиночества и непоправимости утраты лишило ее опоры, словно кто-то выбил из-под ног земную твердь и она зависла в вакууме, куда не проникают звуки внешнего мира.

– Как же мне плохо без тебя, мой котик-братик... Как же я просила тебя не оставлять меня... А ты не смог остаться...

Сима шепчет это, понимая, что уйти сейчас не сможет, а должна.

Потому что в машине осталась эта чужая девушка, Таня Логуш, которой от нее, Симы, что-то надо. Конечно, в шесть Сима заехала за ней на работу – остановилась неподалеку от отделения полиции. На крыльце стояли парни в форме, и Сима решила из машины не выходить, а просто набрать Танин номер, и если та ответит, подождать ее, а нет – значит, нет, не очень-то и хотелось.

Но Таня ответила.

– Уже бегу, погоди. – Слышно было, как она пыхтит на бегу. – У тебя какая машина?

– Серая «Ауди» седан. – Сима видит, как в ее сторону направился парень в форме. – Тут ко мне какой-то ваш сотрудник идет...

– Ты, главное, из машины не выходи, я через секунду буду.

Сима щелкнула замком и запустила двигатель. Надо было назначить встречу нахалке где-то в городе, подальше от этого здания.

Парень постучал в окно машины, но тут на него налетела полненькая девушка с пшеничными косами, одетая самым нелепым образом – в джинсы и яркую обтягивающую майку с блестящими стразами.

– Это ко мне, Петров, отвали.

Сима открыла замок, и девушка плюхнулась на переднее сиденье.

– Ишь, учуяли добычу, акулы! – Она повернула к Симе круглое белое лицо с большими синими глазами. – Спасибо, что приехала, а я, по чести говоря, сомневалась. Ты с работы? Давай где-нибудь поужинаем, я угощаю.

Сима кивнула. Есть не хотелось, но нужно было уехать подальше от этого здания, и просто хотелось ехать куда-то и ни о чем не думать, но больше всего Симе сейчас нужно на реку. Она вырулила на набережную и остановилась.

– Ты посиди, я ненадолго...

И вот теперь нужно возвращаться, потому что в машине осталась эта незнакомая Таня, а уходить не хочется. Оставить здесь Сэмми одного невозможно, она и ночь-то с трудом без него пережила. Сима думает о том, что скверно поступила, похоронив его так далеко от дома, но теперь этого уже не изменить. И нельзя вернуть их счастливую жизнь, и ничто уже не будет, как прежде.

– Малыш...

Сима плачет, и ей уже не важно, кто это увидит или услышит. Мир вокруг погас и умолк, и стал ненужным.

– Вот ты где.

Сима поднимает голову – это Таня нашла ее, а ей здесь быть не надо, она чужая, а Сэмми не любил чужих. Она не поймет, просто скажет, как и все остальные: подумаешь, всего лишь кот, заведи другого! И никто не понимает, что это был не просто кот, а часть души, родное существо и другого быть не может, невысказано. Никто не поймет, и объяснять не стоит.

– Он тут, да?

Сима молча кивнула, не в силах что-то сказать. Невозможно никакими словами передать ту пропасть горя, в которую она упала, потеряв Сэмми, не стоит и пытаться. Да Симе и не хочется, зачем? Их с Сэмми жизнь была только их, Сима никого в нее не впускала, они уехали вдвоем когда-то ночью, не взяв с собой почти ничего из вещей, и с тех пор больше не возвращались к людям. Десять месяцев назад перебрались в эту квартиру, жить бы да радоваться, и вот. И зачем теперь Симе эта квартира, и вообще все, когда нет больше Сэмми?

– Он болел, да?

Таня села напротив, прямо в траву. Она не утешает Симу и не говорит «всего лишь кот», Сима уже и этому рада.

– Болел... Последние месяцы похудел очень, не ел почти ничего. – Сима всхлипнула. – Шестнадцать лет ему было. Просто отказали почки, и он умер.

Таня вздохнула и посмотрела на усыпанный лепестками песчаный холмик. Ее простое и внятное видение мира не предполагало такой бездны горя ввиду смерти кота, но внутренним чутьем она понимала, что для кого-то это может быть очень тяжелой потерей. И эта худенькая девушка с бледным тонким лицом и отчаянными синими глазами сейчас находится в состоянии жесточайшего стресса, и малейшее слово не попадет жестоко ранит ее. Так что Таня решила идти на ощупь, чтобы не обидеть новую знакомую и не усугубить ее горя.

– Долгая жизнь... – Таня вздохнула. – И счастливая. Это ж ты с ним всю свою сознательную жизнь прожила рядом.

– Десять лет мне было, когда мама принесла его в дом. – Сима сжала кулачки, стараясь не заплакать. – Он оказался умным, понятливым и очень спокойным котом. И я так привязалась к нему, а он... Ну, в какой-то момент он дал мне понять, что я важна для него. А потом... потом у меня никого, кроме него, не осталось.

– Как это?

– Родители развелись. – Сима снова тронула песчаный холмик, словно погладила. – У обоих, как оказалось, были на стороне другие интересы. Мамин новый муж сказал, что ему не нужна дочь от другого мужика – типа, у меня свои дети будут, зачем мне твоя девчонка, тем более уже большая, вот если бы маленькая, а так... А папина новая жена... у нее был сын от первого мужа, я ей тоже оказалась не нужна. А уж Сэмми и подавно.

– И как же ты?

– Квартиру в центре города родители продали, и папа с новой женой купили частный дом на окраине, а меня поселили во временке за домом. – Сима вздохнула. – Она без отопления была, и ванны не было, я купаться в дом ходила, а зимой туда ставили электрическую печку. Ну, до моих пятнадцати лет мы с Сэмми там жили, потом папа умер, мачеха сказала: иди куда хочешь, ты мне тут не нужна. Я пошла к маме, а там...

Сима заплакала, слезы катились, она вытирала их ладошками, но слез было слишком много. Она и сама не знает, зачем рассказывает все это практически незнакомому человеку, но, когда не стало Сэмми, она почувствовала себя будто в вакууме. Вокруг кипела жизнь, а она словно до сих пор сидела у ворот, куда не проникали звуки.

– Обижали тебя?

– Обижали... – Сима всхлипнула. – У отчима был свой дом, все деньги от продажи квартиры мама ему отдала, и сначала оно и ничего было, поселили меня в мансарде, чтобы глаза не мозолила. У мамы с отчимом уже к тому времени был сын, но родился он с ДЦП, калека. Надо было ухаживать за ним, а у меня же школа, и я в институт хотела, я сама языки изучала, еще учеников брала по английскому.

– Так ты и английский знаешь?

– Английский все знают. – Сима раздраженно отмахнулась. – И я уже начала потихоньку зарабатывать, но так, чтобы отчим не знал, ходила к ученикам домой. Деньги прятала – он бы отнял, очень жадный был. А все свободное время я должна была за этим мальчиком ухаживать.

– За братом?

– Ну, какой он брат. – Сима фыркнула. – Он сын мамы и чужого мужика, причем он даже не понимал ничего особо – так, хлопоты одни, и те впустую, он бы никогда не поправился, все это знали. Лежал, как полено, только тарасился бессмысленно или начинал кричать, остановить эти вопли было невозможно, иногда и по часу, и по два надрывался. А когда я оканчивала школу, он умер. Ну, я так думаю, для него это был лучший исход, так жить – врагу не пожелаешь, но мама словно с ума сошла. Она отчего-то взяла в голову, что, если бы я лучше за ним приглядывала, он бы не умер. Дошло до того, что они с отчимом оба набрасывались на меня и избивали.

– И никто ничего не сделал?

– А кому оно было надо? – Сима горько улыбнулась. – Чужая семья, семейные дела – никто ничего. Правда, мать отчима говорила им, что, дескать, вы оба с ума сошли, мальчишка больной совсем был, Серафима-то тут ни при чем, но они оба с каждым днем все больше сами себе верили, что его смерть – это моя вина. Хотя, когда он умер, меня и дома-то не было, я ездила на олимпиаду по английскому в соседний город, от школы. А они с ним сами оставались, вот мама устала и уснула, а проснулась – он мертвый. Я вернулась, а у нас похороны, мама кричит криком, там прямо на меня и набросилась – типа, так для тебя это не горе, значит. Честно говоря, для меня это и правда не было горем, но я и не плясала от радости, конечно, просто плакать по нему я не могла, я его не любила, как вообще можно было любить этот бессмысленно дышащий и вечно гадящий кусок мяса, я не понимаю, тем более что он доставил мне много неприятностей. Что такое уход за лежащим больным, ты понимаешь, а мне приходилось за ним ухаживать, хотя я не должна была совершенно, это был их косяк, а не мой. Конечно, я не билась в истерике, когда он умер, да и можно ли говорить о том куске органики «он», если в нем не было даже проблеска сознания? Но мама с отчимом считали, что... Да не важно, прошло и прошло. В общем, я аттестат получила и уехала. Забрала Сэмми, документы взяла, кое-какие вещи – и все, гуд-бай, ребята. Уехала ночью, чтобы не объясняться и не слушать бред, от которого уши вянут. Деньги у меня на первое время были, я сразу дала объявление и учеников набрала, потом, через год, поступила в институт, но жили мы на съемной квартире, потому что в общагу Сэмми не пустили, конечно.

– А мать что ж?

– Понятия не имею. – Сима всхлипнула. – Надеюсь, она смогла родить нормального ребенка и успокоилась. Но видеть ее я больше никогда не хочу. Она-то из-за меня не шибко переживала, собственно. Нет, я не то чтобы обижена, боже упаси. Просто есть вещи, которые я с собой не позволяю проделывать никому. А она предала меня, когда я в ней нуждалась: сменяла меня на какого-то мужика и потом тоже приняла, только чтобы люди не осуждали, но не хотела даже, чтобы я в их доме жила, на чердак спровадила. Зато как за пацаном говно убирать – иди сюда, Серафима! Так что была без радости любовь – разлука будет без печали,

так сказать. Думаю, когда я уехала, они вздохнули с облегчением, а я-то уж точно. Тем более что у меня был Сэмми.

– И все эти годы...

– Да, мы с Сэмми не расставались. Работы было всегда много, платили и платят мне хорошо, так что я смогла и машину купить, и домик в пригородном селе взяла – развалюха была, но кое-как привела в порядок, а год назад подвернулся вариант дешевой квартиры – купила, конечно. Знала бы я, отчего квартира такая дешевая... Но Сэмми должен был узнать наконец, что это – собственный дом, где мы с ним – полные хозяева. Все так хорошо складывалось, если не считать полоумную старуху, а старуха же не вечная – ну, я так думала, и вот...

Сима с тоской посмотрела на песчаный холмик, и Таня вдруг словно душой почувствовала глубину ее горя и непоправимость потери. Единственное существо на земле, которое все эти годы, когда маленькую Симу бросали, предавали самые родные люди, неизменно было рядом, бескорыстно любило свою хрупкую хозяйку и к которому она сама была накрепко привязана, – ушло, отжив свой век, долгий по кошачьим меркам, но такой короткий по меркам человеческим, и теперь этот якорь, оберегавший Симу от волн отчаяния и одиночества, исчез. Она осталась один на один со своими воспоминаниями, и жизнь, которую она строила все эти годы для себя и для Сэмми, отныне разрушена.

А самое главное – невозможно, невероятно жестоко сказать ей: ну, возьми в дом другого кота. После всего, что ей пришлось пережить вместе с ее Сэмми. Другой кот будет именно другим котом, а не частью жизни, половинкой души, отдушиной.

– Знаешь, что мы сделаем? – Таня поднялась и протянула Симе руку. – Вставай, поедем сейчас к моему приятелю. У него фирма по изготовлению разных штук из камня, и мы закажем ему что-то типа надгробия. А то ведь люди потопчут, а так будет памятник такой небольшой и...

– Придавить его камнем?!

– Все лучше, чем кто-то наступит, не зная. – Таня добыла из кармана пачку салфеток. – А то и специально потопчут, мало ли уродов, увидят холмик и цветы – и потопчут, есть такие кретины. Или собаки бродячие разроют, тоже случается, а так поставим памятник – могила останется в целости. На-ка вот, вытри лицо, и поедем. Он недорого возьмет, я думаю. Такой кот достоин памятника, что этот холмик, чепуха! Идем, Сима, да еще же и машина не заперта осталась.

– Она сама закрывается, когда никого в ней нет, замки срабатывают автоматически.

– Скажи пожалуйста, какие чудеса техники! – Таня покачала головой. – Все, хватит тут сидеть, надо заказать Сэмми памятник. У тебя есть его фотографии?

– Конечно.

– Так я и думала, что полный телефон. Кого ж тебе и фотографировать было, как не Его Котейшество. Поставим памятник, насадим цветов...

– Там песок, ничего расти не будет.

– Что-нибудь придумаем. – Таня потащила Симу к машине. – Едем сейчас же, чего зря сидеть, хлюпать носом? Кстати, старуху твою выпустили, но строго-настрого приказали не лезть к тебе, и заявлению твоему дали ход. Думаю, что вполне и до суда дело может дойти, только адвоката бы тебе хорошего.

– Сосед обещал.

– Сосед? – Таня заинтересованно блеснула глазами. – Женатый сосед-то?

– Не знаю. – Сима вздохнула. – Мужик как мужик, кто его знает, женат он или нет?

Таня фыркнула и пожала плечами. Ну, конечно, такая худышка с глазами испуганного эльфа может особо не заморачиваться насчет женатых или неженатых мужиков, они за ней небось сами табуном бегают. А вот ей приходится думать о своих охотничьих угодьях, не с ментами же романы заводить, в самом-то деле!

– Старуха эта – аферистка та еще. – Таня пытается вывести Симу из депрессии, но понимает, что получается плохо. – Как привезли ее, тут же помирать принялась, но у нас на этот случай своя бригада «Скорой» имеется, там симулянтов на раз выявляют. Ты же понимаешь, у нас специфика такая, многие пытаются изобразить смерть, а не смерть, так инфаркт или еще что-то такое. Ну, так наши доктора приехали, туда-сюда поглядели, послушали, давление измерили и говорят ей: открываем глаза, бабуля, все с вами в полном порядке, симуляция усугубляет ваше и без того непростое положение. А потом уж наши ребята объясняли старухе, что такое ее поведение подпадает под статью Уголовного кодекса и вина ее практически доказана, можно хоть завтра в суд. Ну, у нас умеют доходчиво объяснять, конечно, а старуха эта твоя – та еще штучка оказалась, угрожать принялась, прикинь! Сверни налево, это на Куйбышева, на Капустинском кладбище, туда ехать лучше через промзону.

Симе все равно, на Куйбышева или в другой галактике, потому что, когда она ведет машину, боль каким-то непостижимым образом немного отступает, словно не успела заскочить в салон и теперь бежит позади, злая, как стая волков, и предвкушает свое торжество, когда машина остановится.

– Вот, заезжай в ворота и поворачивай сразу направо, там кирпичное здание, а около него памятники будут. Ну, образцы. Давай, заезжай скорее. – Таня показывает на кованые ворота недалеко от кладбищенской стены. – Паркуйся здесь, и пойдем.

– Но я...

– Когда ты немного придешь в себя, то поймешь, что я была права.

Сима вздохнула и припарковала машину. Все равно домой идти не хочется, что ей делать в пустой квартире, которая со смертью Сэмми перестала быть домом? Может быть, Таня и права – могилку Сэмми могут случайно разорить, просто наступив на нее, а этого она даже представить не хочет.

В дверях они столкнулись с высоким смуглым мужчиной, одетым во все черное. Глубокие залысины придавали его лицу какое-то мрачное, даже зловещее выражение, но глаза оказались светлыми и неожиданно яркими. Что-то было в этом человеке, от чего у Симы мурашки по коже поползли, и она поспешно отскочила от двери, пропуская выходящего.

– Ишь, торопыга! – Таня покачала головой. – Ну, в трауре человек, конечно... Ромка!

Таня втокнула Симу в большой прохладный зал, заставленный образцами готовой продукции. Здесь и каменные скамейки, и памятники, и мемориальные доски, и даже фигура ангела. Сима с опаской поглядывает на все это разнообразие, думая, что такая скамейка пригодились бы ей у ворот, если они вдруг снова не откроются... Но теперь там был Сэмми, и у него в этом сне были два глаза, оба – поразительной красоты, как когда-то. И отчего-то лишь сейчас это вспомнилось.

– Чего орешь, тут я.

Из дальней комнаты вышел тощий невысокий парнишка, одетый в опрятный синий комбинезон. Он улыбнулся Тане и с интересом посмотрел на Симу, но она его интереса не заметила, потому что белая каменная скамейка интересуется ее сейчас гораздо больше. Хорошая такая скамейка, очень к воротам подошла бы, но как ее туда затащить?

– У нас беда, Ромка.

– Да понял я. – Парень с сожалением посмотрел на Симу. – Фотография покойного есть? Что ставить будем – крест, памятник, ангела или просто камень?

– С ангелом будет, пожалуй, перебор... – Таня толкнула Симу в бок: – Фотку давай.

Сима вздохнула и вытащила сотовый. Конечно, здесь сотни фотографий Сэмми. И в последний год она их делала еще чаще, вот только больного Сэмми она не снимала, разве что накануне, когда он точил когти о ножку стола на кухне и выглядел почти совсем как раньше.

– Что?! – Парень округлил глаза. – Девки, вы совсем спятили?!

– Ничего не спятили! – Таня угрожающе нависла над приятелем. – Ты знаешь, какой это был кот? Ты можешь себе представить, что он для нее значил? Ты понятия не имеешь. Значит, так, Роман. Нам нужен камень такой, отполированный с одной стороны, и на нем портрет Сэмми, и годы жизни. И... что мы там напишем ему, Сима?

– Каждая буква стоит денег, не говоря уж о портрете, да и камень еще... – Парень просматривает фотографии. – Вот эта, пожалуй, подойдет... Красавец, конечно, просто красавец, жаль. Так вот, каждая буква... Эй, не реви, ты что!

Сима и рада бы не плакать, но боль, похоже, догнала ее и радостно вцепилась, навостывая упущенное.

– Так вот...

– Да поняли уже, Гобсек несчастный, каждая буква. И каждый раз, когда ты будешь звонить мне и просить пробить того или иного клиента по нашей базе, тебе это тоже будет стоить денег.

Они яростно буравят друг друга глазами, и парень сдается:

– Ладно, есть у меня кусок камня, но он небольшой совсем, да и цвет такой... Короче, не знал я, куда его пристроить, так что сделаю. Что напишем в виде эпитафии? Реветь перестань, слышишь?

Сима словно вынырнула из глубокой воды и тяжело всхлипнула. Она пришла заказывать памятник для Сэмми. Для своего Сэмми!

– Я не думала... Не знаю. Просто напишите, что мы обязательно встретимся, пусть только немного подождет.

– Дура ты. – Парень достал откуда-то нераспечатанную бутылку воды. – На, выпей и приди в себя. Смерть – естественное завершение жизни. Просто прими это и считай, что этому парню там хорошо, потому что он избавился от старого больного тела и теперь ждет, когда родится подходящий котенок, чтобы воплотиться снова и начать тебя искать.

– Я в это не верю.

– Можешь верить, можешь так оставить, но это не я придумал, этим знаниям тысячи лет. Книжки читать надо, а не сериалы смотреть. Он обязательно вернется к тебе, потому что надолго оставлять тебя без присмотра нельзя, похоже, – а это значит, что, даже если ты его не узнаешь, он узнает тебя обязательно и даст тебе понять, что это он. Ладно, хватит реветь, с памятником я что-нибудь придумаю. Послезавтра приедешь, поедем устанавливать.

– А сколько...

– А нисколько. – Парень горестно вздохнул. – И у Гобсека есть сердце, поработаю для души, что ж. Напиши мне вот тут, на бумажке, как его звали и даты тоже, а послезавтра приедете, сделаю.

Сима дрожащими пальцами берет ручку и пишет на розовом стикере имя и даты рождения и смерти. Голова тяжелая, и отчего-то хочется спать, но идти домой ей сейчас не хочется абсолютно, и она решает, что поспит сегодня в машине. Вот сейчас отвезет эту Таню, которая так и не сказала, что же ей было надо, и поедет на набережную, остановит машину недалеко от того места, где Сэмми, и уснет. А завтра уж... Ну, будет какой-то день, как-то будет.

– Отвезешь меня домой? Я недалеко тут, на Зеленом Яре живу. – Таня покосилась на Симу. – Есть хочу, просто сил нет, мы с тобой так никуда и не заехали. А дома всегда полно еды.

Сима кивает – конечно, отвезет, не выбрасывать же ее из машины просто у кладбища.

– Вот сюда поверни. Здесь моя семья живет, ну и я в основном тоже здесь, хотя квартира своя у меня имеется, конечно, родители на двадцатилетие подарили. Но я все-таки больше люблю дома жить. – Таня указывает на узкий переулок. – Все, притормози, я ворота открою, ты заедешь.

– Нет, я...

– Куда, обратно на набережную – плакать? – Таня энергично помотала головой. – Забудь об этом, подружка, плохая идея, как хочешь. Пойдем ко мне, поедим чего-нибудь, у нас всегда полно хорошей еды, а потом поедешь. У тебя дома-то, я уверена, кроме кошачьих консервов, ничего сейчас нет.

Сима пожала плечами – ну, нет и нет. И не надо, не до еды теперь.

Но ворота уже открыты, и ей не осталось ничего другого, как заехать в просторный двор. Здесь уже припаркована старая машина, но места достаточно, так что можно будет даже развернуться.

– Идем, не стой.

Дом из светлого кирпича, длинный, с надстроенным вторым этажом и мансардой. Сима никогда раньше не видела такого чуда архитектурной мысли, но ей-то что за дело? Она вошла в небольшую веранду, где рядами стоит обувь, самая разная, и этой обуви много.

– Вот, ставь свои балетки на полку, рядом с моими. – Таня усмехнулась. – Здесь никто не тронет, запретная зона. А иначе кто-то из девчонок обязательно их примерит, а это непорядок.

Кто-то из девчонок? Сима с опаской покосилась на ряды обуви. Сколько же тут живет народу?

– Мааам, я дома!

Таня втащила Симу в дом, и они тут же попали в водоворот какой-то веселой игры, затеянной кучкой черноглазых и черноволосых детей.

– Я слышу, – низкий мелодичный голос из глубины дома. – Иди сюда, Тара у нас сегодня рождает. Дети, ну-ка, тихо!

Откуда-то появилась стройная смуглая девушка в ярком платье, с длинными черными косами. Чмокнув Таню в щеку, она загнала выводок детей на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Ничего у нее без тебя не клеится, Танюшка.

Таня потащила Симу в глубь дома, и Сима с удивлением рассматривает многочисленные просторные комнаты, застланные коврами, с низкими диванчиками и столиками. В одной из таких комнат обнаружилась стройная женщина в яркой юбке и с черными косами, уложенными вокруг головы.

– Тара вздумала рожать, а мне ну никак не поспеть с делами и с ней. – Женщина цепко посмотрела на Симу. – Подружку привела?

– Ага. – Таня поцеловала женщину в щеку. – Я только руки вымою, мам. Это Сима, она поест с нами, ладно?

Таня выскочила из комнаты, а Сима осталась. Она никак не ожидала увидеть цыганский дом и цыганскую семью у белокурой синеглазой Тани, но именно эту женщину Таня назвала мамой.

– Я Сакинда, тетя Сакинда, мать этой егозы. – Женщина кивнула Симе, указав на подушки у стены. – Садись, детка. У нас тут, видишь, дым коромыслом, да еще Тара принялась рожать, хотя мы ждали только дня через три. Но смерть и роды не ждут погоды, что ж...

На полу стоит большой ящик, и Сима заглянула в него.

Ящик кто-то заботливо выстлал куском мягкого одеяла и прикрыл чистой тканью. А на ней лежит серая британская кошка, и бока ее вздымаются, она тяжело дышит, ее бархатная круглая мордочка повернута к людям, в глазах – испуг и мука.

– Так-то, дорогая, рожаем мы, женщины, своих детей. – Сакинда покачала головой. – Что женщины, что кошки, что другие животные – все тяжело рожаем и растим, ночей не спим. А потом всю жизнь до самой смерти болит сердце за детей. Тихо, девочка, тихо, все будет хорошо.

– Я здесь. – Таня уже переделалась в легкую яркую юбку и такую же блузочку. – Ай, бедная моя, ну давай, милая, потерпи и поднатужься, и все у нас получится.

И голос ее, и манера говорить изменились неузнаваемо, и теперь от цыганки ее отличали только светлые косы да абсолютно белое лицо с большими синими глазами.

– Сима, если нужно в ванную, то по коридору третья дверь отсюда. – Таня повернула голову и взглянула на Симу. – Прости, я понятия не имела, что Тара именно сегодня решит рожать.

В коробке раздался жалобный и требовательный писк. Сима всхлипнула и выбежала из комнаты. Третья дверь, вот как.

Ванная оказалась достаточно чистой, и Сима открыла кран, вымыла руки и ополоснула лицо. Нужно ехать домой, она совершенно зря пришла сюда, но если уйти прямо сейчас, Таня решит, что это из-за ее родственников, из-за того, что они цыгане. Обижать новую знакомую не хотелось, тем более что некоторое предубеждение против цыган у Симы было. Но она не из-за этого хочет уйти.

Просто Симе видеть, как рождаются котята, невозможно.

Потому что Сэмми больше нет, и жизнь ее превратилась в боль.

4

– Новая дочка. – Старуха хитро улыбнулась, глядя на Симу. – Лежи, не вставай, головушка твоя горемычная. Вот, выпей это, будешь крепко спать и наутро проснешься здоровой.

Как вышло, что она осталась ночевать в этом чужом доме, Сима не знает. Вот так усадили ее за стол, за которым, кроме нее и Тани, уже сидело десятка полтора людей, и она все думала, как бы сделать так, чтоб сразу же распрощаться и не обидеть радушных хозяев, и ничего не придумала, а тем временем смуглая женщина взяла ее тарелку и наполнила каким-то ароматным блюдом, в котором был рис, овощи, кусочки мяса, какие-то приправы и крупные красные фасолины. И Сима, сама того не ожидая, съела все до последней крошки.

Никто не шумел, даже дети вели себя прилично, только самых маленьких усадили за отдельный столик, и за ними приглядывала та самая девушка, что первая встретила им в этом доме.

Потом подали чай, и на столе появились тарелки с домашним печеньем, пирожками и кусками белой пастилы с орехами, которая таяла во рту и пахла корицей. Сима наелась так, что и пошевелиться боялась, с ужасом думая, сколько же калорий она сейчас проглотила. Конечно, она вряд ли вот так сразу потолстеет, но – а вдруг?

– С одного раза ничего не будет. – Сакинда ободряюще потрепала ее по руке. – Таня, гостя совсем носом клюет, отведи-ка ты ее спать, умаялась она совсем.

И Сима, совершенно не помышляющая о ночевке в этом странном доме, покорно пошла за Таней, а та протащила ее через весь дом и подвела к широкой лестнице, ведущей на второй этаж. На небольшой площадке между этажами была дверь, Таня открыла ее, и они оказались в достаточно просторной комнате, где стояли широкая кровать, шкаф и старое трюмо с ящичками и резьбой.

– Кровать двуспальная, поместимся. – Таня открыла шкаф и бросила на кровать полотенца и ночную рубашку. – Под лестницей еще одна ванная, но, правда, самой ванны там нет, зато есть душевая кабинка. Это моя комната, отец и братья для меня ее строили. С той стороны дома гараж, и комната как раз над ним. У нас, понимаешь, девушка недолго живет с родителями, замуж наши рано выходят, а потому отдельные комнаты им не нужны, спят в одной спальне на двоих, иногда и на троих, ну а я – другое дело, я замуж пока не собираюсь, так что пришлось отцу и братьям соорудить мне эту комнату.

– Почему ты – другое дело?

– Потому что я не цыганка, глупенькая. – Таня хихикнула. – Я думала, ты заметила.

Сима кивнула, соглашаясь, но больше не нашлась что сказать. Выспрашивать невежливо, и, возможно, ее расспросы оживят какие-то неприятные воспоминания – вряд ли может оказаться счастливой история, в которой ребенок растет в чужой семье.

– Да ладно, не секрет никакой. – Таня засмеялась. – Я всегда знала, что приемная. Нет, мне этого не говорили, но я же и сама поняла, я ведь отличаюсь от остальных. Очень сложно утаить от ребенка факт удочерения, если этот ребенок настолько отличается от остального семейства. А потому, когда я поняла, что не такая, как мои братья и сестры, то просто спросила у мамы, как так вышло. И она сказала, что моя родная мать-наркоманка бросила меня в роддоме. Вот так, совершенно спокойно, как что-то само собой разумеющееся, и я тоже спокойно к этому отнеслась. Мама говорит, что у меня был брат-близнец и он не выжил, а я... А мама тогда лежала в роддоме вместе с той наркоманкой, она в тот же день родила моего брата Милоша, а буквально через час привезли и эту, положили в мамину палату – ну, не захотел никто с цыганкой в одной палате быть, мама одна лежала, и наркоманку – куда ж, если не к цыганке! Ну, а та родила очень быстро и тут же написала отказ, побежала дозу искать, а врачи попросили маму кормить меня грудью, молока у мамы было много. Это я

сейчас такая вот, кровь с молоком, а тогда, мама говорит, была крохотная и тощая, в чем только душа держится. Ну, и ломка у меня была, мама говорит, кричала я день и ночь от боли, но мама качала меня, кормила грудью, песни пела – я от них затихала, и когда пришло время выписываться из роддома, она не смогла оставить меня там. Отец и бабушка сначала спорили, но мама настаивала, и они в конце концов согласились. Конечно, цыганской семье было непросто получить разрешение на удочерение ребенка, но я со своей ломкой и мамашей-наркоманкой была не нужна нормальным усыновителям, а моя мама умеет добиваться своего, вот я и оказалась в этом доме. Имя мне дали не цыганское, чтобы не создавать в будущем проблем – люди разные, на все вопросы не ответишь, знаешь ли. Но я росла в большой счастливой семье, у меня есть любящие родители, братья и сестры, и бабушка есть, мне дали образование, купили квартиру, меня до сих пор одевают-обувают, покупают золото, как у нас полагается покупать дочерям, и я больше живу здесь, чем в своей квартире. Я, понимаешь ли, на особом положении, потому что по крови не принадлежу к цыганскому роду и не обязана подчиняться законам, обязательным для каждого цыгана. Очень удобно, кстати, мне нравится жить со своей семьей. На работе, конечно, никто не знает, что я из цыганской семьи – иначе нельзя, предубеждение и ксенофобия в нашем обществе ужасные. Нет, я своей семьи не стыжусь, но отец сказал, что так будет лучше.

Сима видела за ужином Таниного отца – высокого, очень худого, с небольшими темными глазами и копной кудрявых седеющих волос. Он за ужином больше молчал, но было видно, с каким уважением относятся к нему присутствующие.

Таня сняла с кровати покрывало и, взглянув на Симу, вздохнула:

– В моей пижаме ты, худышка, утонешь. Погоди, я у Циноти сейчас одолжу что-нибудь для тебя.

Она метнулась из комнаты, Сима осталась одна. У нее не на шутку разболелась голова, а таблеток с собой не было. Эти головные боли преследовали ее с самого детства, и она как-то научилась справляться с ними, но в обычный день у нее были с собой таблетки, а сегодняшний день обычным не назовешь, и мигрень нахлынула, как цунами, и Сима обессиленно опустилась в кресло, стоящее в углу. Мир стал серым и покачнулся.

– Эй, ты что?

Неугомонная Таня уже вернулась, неся в руках что-то, отливающее шелком, но Симе ни до чего нет дела, боль сбила ее с ног. Сима знает: теперь пару дней она не сможет нормально функционировать. И надо же было такому случиться, что мигрень застала ее в чужом доме! Как теперь быть, неизвестно.

– Погоди, я бабушку позову.

Таня метнулась из комнаты, а Сима закрыла глаза и застонала. Раньше, когда такое случалось, она ложилась в кровать, обнимала Сэмми, и боль немного утихала, но теперь Сэмми нет, и кровать в ее пустой квартире тоже недоступна, и зачем нужна сейчас еще и бабушка, непонятно. Чем тут поможет какая-то бабушка, когда мир становится таким, а Сэмми в нем больше нет.

– Давай-ка в кровать ее уложим.

Сима не слышала, как вошла старушка. Впрочем, старушкой эту даму назвать сложно, Сима еще за ужином рассмотрела главу здешнего семейства: высокая, очень худая и прямая, совершенно седая женщина с кожей какого-то медного цвета, с темными внимательными глазами, одетая в традиционный цыганский наряд. И только большие натруженные руки в массивных золотых браслетах выдавали ее почтенный возраст.

– Танюшка, расстели одеяло, не стой.

Старуха тронула Симу за плечо:

– Давай-ка, дочка, перебирайся в постель. Таня, неси кружку.

Сама не понимая как, Сима оказывается в постели, старуха помогает ей раздеться и гладит по голове.

– Ничего, дочка, сейчас все будет хорошо.

Ничего уже не будет хорошо, потому что Сэмми ушел. Он был ее светом в окне, ее братом, ее родной душой, он любил ее и умел это показать, а теперь его не стало, и жить с этим невозможно, как и вернуться в их опустевшую квартиру, которая потеряла смысл.

А в сельском доме до сих пор стоят его мисочки, а к дверной ручке привязан мячик.

– Пей, тебе надо успокоиться.

Питье оказалось не горьким, не противным – просто какая-то трава, пахнущаяпряно и необычно, коричневая жидкость в белой кружке потихоньку убывает, и Сима думает о том, что надо бы уехать домой.

– Завтра поедешь. – Старая цыганка берет у Симы опустевшую кружку. – Называй меня бабушка Тули. Вот завтра будет день, и поедешь по своим делам, новая дочка. А теперь спи, иначе как же его душа найдет тебя?

Сима непонимающе уставилась на старуху.

– Во сне души встречаются. – Цыганка поправила Симе одеяло. – Ты спишь, а твоя душа бродит по ту сторону, высматривает Тропу. А его душа уже там и тоже ищет дорогу – обратно домой, и когда ты уснешь, души встретятся, и он найдет к тебе дорогу, вернется.

– Как это?

– С новым телом, но душа его узнает тебя, а ты узнаешь его.

Наваждение какое-то. Именно это говорил уже сегодня парень с кладбища. И откуда старуха знает о Тропе? Это Сима придумала, когда впервые оказалась у ворот.

– Когда?

– Кто знает... Может, и скоро, а может, и нет. Но он обязательно вернется, вот посмотришь. – Тули погладила Симу по голове. – Ничего, дочка, все образуется, спи.

Сима думает о том, что старой Тули смерть Сэмми не кажется ерундой.

Сима не верит во всю эту эзотерическую чепуху с душами и прочими реинкарнациями, но ей очень хочется поверить. И пусть Сэмми вернется, и все будет по-прежнему.

Но не будет, конечно.

Сэмми остался за воротами, и надо бы проверить, там ли он и может ли она войти.

Засыпая, Сима слышит, как какая-то кошка запрыгивает на кровать. Что это именно кошка, сомнений нет, она ее сегодня видела – ну, или кот... Хотя кота в доме Сима не заметила, но он мог где-то дрыхнуть, а теперь проснулся и пришел знакомиться. Только ночь уносит Симу куда-то в мягкую тьму, и кровать колыхается, словно на волнах. И боль отступила, осталась по ту сторону темноты, а Тропа под ногами. И дорога через лавандовое поле такая долгая – но Симе нравится идти, тем более что свет, который льется непонятно откуда, совсем не слепит глаза.

Короткое мяуканье над самым ухом разбудило ее, и Сима протянула руку, чтобы погладить Сэмми. Но рядом никого не было, и она вспомнила. Сэмми больше нет. Она спала в чужом доме, делила кровать с девушкой, которую вчера увидела впервые в жизни, на ней чужая ночная рубашка, и какая-то старуха напоила ее накануне коричневым варевом, от которого она проспала всю ночь, не чувствуя боли и не просыпаясь через каждый час.

Но самое странное, что головная боль не вернулась. Сима осторожно села – нет, голова не болит, а ведь это неправильно. Когда наваливается мигрень, она терзает голову несколько дней... Но вот оно, утро, а мигрени нет как нет.

Сима осторожно сползла с кровати – возможно, боль затаилась и любое неосторожное движение вернет ее, а это тем ужаснее, что утро-то вполне сносное, а если боль сейчас примется за нее, это будет ад.

– Проснулась?

В комнату заглянула уже знакомая Симе смуглая худенькая девушка, Сима помнит, что ее зовут Циноти, и она Танина младшая сестра.

– Танюшка маме помогает, Тара вчера очень тяжело рожала, молока у нее нет, а котят надо кормить. Один ночью умер, слабенький совсем был, а двое остались и постоянно пищат от голода. Тара их вылизывает, но молока нет. – Девушка присела на кровать. – Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, хорошо. – Сима вздохнула. – У меня бывают мигрени...

– Бабушкины травки всегда помогают. – Циноти улыбнулась. – К ней многие приходят за лекарством, бабушка знает в этом толк. Тебе, наверное, надо на работу?

– Да. – Сима взглянула на часы – начало десятого. – Через час надо быть в одном офисе, там есть работа.

Симе нужно в ванную, и где-то должна быть ее одежда, но присутствие девушки смущает ее, а еще и Таня куда-то запропала.

– Ванная внизу, под лестницей. – Циноти откровенно рассматривает Симу. – А одежду Танюшка сунула в стиральную машинку, и я надеюсь, что она высохла. Пойдем, покажу тебе ванную. Вот, надень.

Она подала Симе яркий шелковый халат, и Сима с благодарностью приняла его – ходить по чужому дому, полному народа, в ночной рубашке совершенно неприемлемо.

– Все уже поели и разбрелись по своим делам. – Циноти спускается по лестнице и оглядывается на Симу. – Вот дверь, иди. Там в углу шкафчик с чистыми полотенцами, выбери себе, а я пойду поищу твою одежду.

Сима входит в ванную и закрывается на задвижку. Теперь она чувствует себя увереннее – одна, никто не войдет. Она достает из шкафчика полотенце и становится под душ. Нужно уезжать, сегодня ей необходимо быть в нескольких местах, потом надо бы домой, есть работа, которую она делает на своем домашнем компьютере.

– Эй, Сима, ты там?

Сима вздохнула и выключила воду. В этом доме, похоже, совершенно нельзя побыть наедине с собой ни минуты, обязательно кто-то или ввалится без стука, или примется орать и стучать в дверь.

– Ага, сейчас выйду.

Сима вытерлась и надела халат. Где-то должна быть ее одежда, и чем скорее она найдет ее, тем лучше.

– Тут такое дело... – Циноти хмурится. – Одежда твоя не высохла еще, джинсы совсем мокрые, куда их надевать?

– Но...

– Идем, дам тебе что-то из своих шмоток, у нас один размер, похоже.

Сима идет за девушкой – вверх по лестнице, по коридору, вдоль которого расположены двери в комнаты. Где-то внизу слышны голоса женщин, крики детей, а здесь тихо.

– Входи.

Широкая кровать, на полу – ковер, блестящая светлая мебель и цветы на окнах. Обычная комната молодой девушки, только немного ярковато, но вкусы у всех разные.

– Уютно.

– Ага. – Циноти улыбнулась. – Мы здесь раньше вместе с Агнессой жили – с сестрой старшей. Потом она замуж вышла, и комната стала только моя.

– А ты тоже выйдешь замуж?

– Выйду, но не сейчас. – Циноти роется в шкафу. – Я школу заканчиваю в этом году и собираюсь в медицинский поступать.

– Вот как?

– Ага, так, – Циноти отчего-то злится. – Или ты думаешь, раз я цыганка, значит, не гожусь для такого?

– Ничего я не думала.

– Да ладно, думала. – Циноти бросила на кровать яркую кофточку и открыла следующий ящик. – И по большей части так оно и есть, наши девушки рано выходят замуж и ни о какой учебе не помышляют. В основном где-то в двенадцать лет их забирают из школы, и дальше это уже невеста, ей ищут жениха, ну и прочее. Но есть и другие, вот как мы. Отец всегда считал, что дети должны учиться. Он и сам выучился, и мы все тоже получили образование. А замуж всегда успею.

– Я ничего такого не имела в виду.

– Имела, конечно. – Циноти фыркнула. – Вот, держи.

На кровати перед Симой оказалась кучка одежды, и она берет ее, соображая, как бы поблагодарить девушку и снова не ляпнуть чего-то бестактного.

– Давай надевай, все чистое.

Циноти отвернулась и принялась переплестать косы. Сима сняла халат и поспешно оделась – ходить по дому, полному людей, в разобранном виде было ужасно. Иногда ей снились сны, в которых она вдруг оказывается посреди улицы совершенно голая, к своему ужасу и стыду. Сима ненавидела такие сны, но они периодически снились, в разных вариациях.

– Отлично, спасибо. – Сима заглянула в зеркало. – Хорошие джинсы, кстати.

– А ты думала, мы только широкие юбки носим?

– Ага.

Циноти ухмыльнулась.

– Ну, хоть врать не стала, и то хорошо. Носим, конечно, да только и джинсы тоже носим. Нет, женщины постарше одеваются традиционно, и замужние тоже, как правило, но многие молодые, кто учится и выходит за пределы семьи, носят и обычную одежду. Раньше этого было нельзя категорически, но те времена прошли. Чего-то не хватает...

Сима оглядела себя – да чего ж тут не хватает, все на месте: светлые джинсы, яркая кофточка, что еще надо?

– Иди-ка сюда.

Циноти усадила ее перед зеркалом, и не успела Сима запротестовать, как острая боль пронзила ее ухо – Циноти проколола ей мочку иглой и уже вдела серьгу с крупным розовым камнем.

– Что ты делаешь?

– А на что это похоже? – фыркнула Циноти. – Сиди спокойно. Цыганка должна носить золото.

– Так я же не цыганка!

– Но бабушка Тули велела это сделать, а у нас в семье с ней никто не спорит, и тебе не советую. Сиди, не дергайся, не так это больно. У меня легкая рука, не бойся.

Вторая мочка тоже оказалась проколотов, и Сима ошалело смотрит на свое отражение, чувствуя непривычную тяжесть в мочках ушей. Ощущение новое и странное, но крупные розовые камни ей нравятся.

– Я вообще-то не очень люблю украшения...

– Ничего не знаю. – Циноти достала из шкатулки цепочку с подвеской и пару колец. – Надевай, и пойдем поедим, мама с Танюшкой небось уже заждались.

Они снова идут по коридору, в открытые двери видны комнаты, застланные коврами.

– Много комнат...

– Тут живут два моих брата с семьями и Милош – он пока не женат, так что еще и мало. Спальни наверху, а гостиные внизу, у мамы своя, у бабушки своя, и у братьев тоже.

Просто моя сестра Злата строит дом, и братья поехали помочь, а их жены и дети тут, где ж им быть? – Циноти оглянулась на Симу. – Ничего, тебе идет.

– Что?

– Украшения идут тебе, хоть ты и не из наших.

– Я... Это же золото, я знаю. Я верну.

– С каких это пор подарки возвращают? – Циноти покачала головой. – Это бабушка велела, говорю тебе. Из своих запасов мне выдала и велела тебя принарядить. Значит, так надо, и ты теперь наша.

– Как это?

– Ну, вроде как родня, что ли. Господи, у тебя куча вопросов! – Циноти засмеялась. – Перестань мне их задавать, у меня на них нет ответов, захочешь – у бабушки спросишь, но я бы тебе не советовала.

– Почему?

– Опять вопросы, да что ж такое!

Циноти опять засмеялась, и тут в них врезались мальчишки, кубарем выкатившиеся из боковой комнаты. Сима даже не поняла сначала, сколько их.

– Ну-ка тихо! – Циноти разняла клубок из трех запыхавшихся малышей. – У нас гостя, ведите себя хорошо!

Мальчишки с настороженным любопытством уставились на Симу одинаковыми черными глазами в длинных ресницах.

– Сладу с ними нет, носятся целыми днями! – Циноти подтолкнула Симу в сторону столовой. – Садись, поешь.

Та же самая женщина, что вчера подавала ужин, поставила перед Симой тарелку с картошкой, тут же возникло блюдо с кусками жареного мяса и блюдо с овощами. Сима вдруг почувствовала, что страшно проголодалась.

– Давай ешь, сама говорила, что тебе пора уезжать. – Циноти вздохнула. – А мне пора учиться, скоро экзамены.

Сима тоже вздохнула – конечно, ей пора уезжать.

– А где ваш кот?

– Кот? – Циноти удивленно подняла брови. – Нет кота, есть кошка, ты ее вчера видела. Но она со вчерашнего дня не встает, я же тебе говорила.

Сима отлично помнит, как накануне кот прыгнул к ней в постель. Или кошка. Как это – не встает, если она... Нет, не видела и не дотянулась погладить, но ощущала! И мяуканье утром...

– Приезжай завтра, все будут рады. – Циноти разливает чай. – А одежду твою я высушу и в шкаф положу, чтобы была в запасе.

– Ничего не понимаю...

– Или мы тебе в родственники не годимся?

– Я больше думаю, что это я вам не очень гожусь. – Сима вздохнула. – Я не из тех, кто подчиняется или что-то такое там еще.

– Ну, я и сама не из тех. – Циноти улыбнулась. – погоди, скажу Тане, что ты едешь.

Конечно, надо уезжать. Сима понимает, что в этом доме ее не просто так приняли и посчитали за свою, чего-то она не поняла и не знает, и надо бы спросить, чтобы ненароком не попасть в неловкую ситуацию и не обидеть хозяев, но сейчас нужно по делам. И домой нужно тоже.

Вот только со вчерашнего дня каким-то непостижимым образом прошло сто лет.

5

– Я просто хотела, чтобы ты мне прочитала его письмо.

Таня смущенно смотрит на Симу. Конечно, она вспомнила, зачем вообще ей была нужна Сима.

– А почему ты не забудешь его в онлайн-переводчик?

– Я пыталась, но получается какая-то белиберда. – Таня откашлялась. – И я думала, что ты, может быть, немного подучишь меня языку.

Сима покачала головой – как раз переводами писем она занимается в брачном агентстве. Ничего нового, перевести письмо она сможет, а вот обучить языку – это не так просто.

Они сидят на стерильной кухне Симы и пьют сок. Таня привезла с собой домашнего печенья, и они, чтобы сгладить неловкость, пьют сок с печеньем и пытаются болтать. Но разговор не клеится, потому что одно дело – большой дом, полный шумных детей, непривычных запахов и людей, связанных родством и какими-то совершенно отличными от привычных традициями, и совсем другое – оказаться наедине в пустой квартире и пытаться знакомиться заново.

– Как там ваша кошка?

– Ничего, выздоравливает. – Таня оживилась. – Уже сегодня с утра вышла поесть. Котят мы кормим пока сами, приспособились уже. Это ее первые котята, понимаешь? Ну, может, молоко у нее и не появится, так что ж, умирать им? Но мы боялись, что Тара умрет. Это мамина кошка, мама ее очень любит, и есть за что, это самая милая на свете кошка, вот честное слово. А как старуха, больше не приходит?

Когда Сима вчера попала домой, подъезд встретил ее тишиной. Никакого шарканья за дверью, никакой возни, словно старухи и вовсе нет. Сима надеялась, что больше старая дура не станет беспокоить ее – все-таки пребывание в обезьяннике должно было отрезвить ее. Ну, разве что бабка окончательно тронулась, тогда, конечно, она примется за старое очень скоро, сумасшедших полиция не пугает.

Но пришло утро, а старуха не появилась, и Симу это очень радует. Значит, права соседка с третьего этажа, все у бабки с головой в порядке, раз она поняла, что ее поведение чревато.

– Нет, не приходила, – Сима покачала головой. – Я так и не поняла, зачем она все это проделывала.

– Да тут и понимать нечего. – Таня отхлебнула сока. – Есть такие люди, знаешь, которые бросаются, например, под автомобили, а потом требуют компенсацию. Аферисты такие, да. А есть те, кто доводит людей до предела, и когда им навешают плюх и надают лещей, снимают побои и идут в суд, в полицию – от таких откупаются потом. Бизнес такой, понимаешь? Вот и твоя старуха из той же оперы прыгунов под машины. Ну, суди сама: что такое пара лещей по сравнению с солидным приварком к пенсии, да она их стерпит и не поморщится, а потом сама себе синяков насажает и бежит снимать побои, полицию вызывает, и прочее.

– Думаешь, она из таких?

– Ну, или второй вариант – она просто выжила из ума, и вот это для тебя намного хуже, потому что это значит, что ей плевать на наказание, она очень скоро вернется, и все с той же песней.

– Но пока не вернулась.

– Значит, просто аферистка. – Таня вздохнула. – Я за последний месяц всякого навидалась...

– Так зачем ты там работаешь?

– Я на практике, перед дипломом. – Таня состроила гримасу. – Потом буду следователем, но на практике меня запихнули на телефон, настоящий шовинизм! Вот месяц пройдет, защищу диплом и вернусь туда уже следователем.

– Тоже вариант... – Сима прислушалась к тишине. – Квартира пустая стала...

– Понимаю. – Таня посмотрела сочувственно. – Сима, так ты как, научишь меня датскому?

– Научу, но это не самый простой язык. – Сима покачала головой. – Может, твой принц по-английски говорит? Английскому я тебя скорее обучу.

– Я в школе и в институте учила французский, так что мне как английский, так и датский – никак. А он датчанин...

– Где ты его только подцепила?

– Он же не триппер, чтоб его подцепить. – Таня хихикнула. – В скайпе есть игра – набираешь наугад, появляется лицо – ну, говорите, сколько можете, или переключаетесь. И вот я набираю, а там Ларс. И мы пялимся друг на друга и улыбаемся, и я уже хочу переключиться, а он машет руками – нет, нет, а я и сама не хочу, но вроде как неприлично. И я осталась, но разговор глухого с немой: ни он меня не понимает, ни я его. Я адрес своей электронной почты написала, а наутро он письмо прислал, а я... Он такой, знаешь, просто мечта! И я сразу поняла, что это мой человек, вот мой, и все! И, главное, его не смутило, что я такая... ну, толстая, и прочее. Мы сидели и пялились друг на друга, а потом он что-то сказал, а я не понимаю, и он тычет себя пальцем в грудь и говорит – Ларс. Его зовут Ларс. Так вот и познакомились. Мы и вчера с ним связывались по скайпу, но толку, если языковой барьер...

– И тебе некого было попросить перевести?

– С датского?!

– Ну, да... – Сима понимающе кивнула. – Это не очень распространенный язык у нас.

– Именно! – энергично подтвердила Таня. – А сказать кому-то... Ну, кому? На работе будут ржать, не поймут, а дома... Отец если узнает, то будет мне такое небо в алмазах, что мало не покажется. Отец у меня строгий.

– Понятно.

– Так научишь?

– Куда же я денусь? – Сима развела руками. – А если сложится? Уедешь?

– Уеду. – Таня нахмурилась. – Конечно, скучать буду, но если сложится... Я же не могу выйти за цыгана и не хочу, собственно.

– Почему не можешь?

– Потому что ни одна цыганская семья не примет меня как невестку. – Таня поморщилась. – Цыгане – очень закрытое сообщество, очень консервативное в определенном смысле, и чужаков к себе, как правило, не пускают.

– Я бы так не сказала.

– Сима, ты пойми, наша семья очень необычная, – возразила Таня. – Отец и братья держат станцию техобслуживания, работают. Моя старшая сестра Злата живет в Торинске, они с мужем сейчас дом строят: Филипп и Дорош, старшие братья, поехали помогать – на кого и положиться, как не на родню? Злата выучилась на бухгалтера, и муж у нее не цыган, что вообще в нашей среде не приветствуется, и его семья до сих пор не общается ни со Златой, ни с ее мужем – не хотели, чтоб женился на цыганке. А вот наша Агнесса, правда, вышла замуж рано, да только не по цыганским меркам рано, а по вашим. Сразу после школы, и учиться дальше не захотела, чем очень расстроила отца. Я оканчиваю юридический. После школы сначала тоже учиться не хотела, пошла на курсы парикмахеров, пыталась даже в салоне работать, ну и приходили ко мне студентки, частенько приходили – сидят, что-то такое обсуждают, как вроде меня и нет, и как-то раз я подумала, что не глупей других, и пошла учиться. А Циноти времени терять не собирается, поступит в медицинский. Она очень умная у нас

и очень целеустремленная, она своего добьется, я уверена. Но для цыган такое нетипично, понимаешь? А потому по нашей семье судить нельзя, мы скорее исключение из правила. И ни одна цыганская семья добровольно не примет невестку не цыганку, разве что сын настоит, но жить в одном доме с родственниками они не будут уже. Да и я, признаться, не горю желанием быть приложением к мужу, рожать и готовить. Моих невесток ты видела, настоящие клуши. Братья женились традиционно, хотя сами получили образование, но жен себе нашли из цыганок.

– Мне ваша семья очень понравилась.

– Они замечательные, я знаю. – Таня улыбнулась. – Но в целом цыгане совсем другие. Ты себе даже не представляешь, какие иногда дикие вещи происходят. Знаешь, есть даже касты – те цыгане, что живут очень бедно, и те, что богаче. И эти традиции женить детей в подростковом возрасте, а эти свадебные обычаи с двумя платьями – сначала белое, потом молодые удаляются в спальню, и после всего девушку наряжают в красное, а ее рубашку со следами крови демонстрируют гостям, унижение ужасное и дикость, и многое... В общем, я такого себе никогда не хотела, а уж своим детям и подавно. А в полиции искать кого-то вообще не вариант, там все еще печальней, чем у цыган.

– Как это?

– Как-как... Мужской коллектив, начни с кем-то роман, сплетням конца не будет, мужики – сплетники похлеще баб. А если не выйдет, то что, следующего искать – в той же среде? Там такие слухи будут, что... В общем, не вариант, лучше не связываться вообще. А годы-то идут, мне двадцать четыре уже, пора подумать о семье.

– Понятно.

Сима вздохнула и задумалась.

Она романов предпочитала не заводить. Не то чтобы ей никто не нравился, но вот доверять она никому не могла, и это сводило на нет любые отношения, и в какой-то момент Сима решила, что ей достаточно только Сэмми. И, видит Бог, было достаточно.

– Письмо давай, прочитаем.

– Точно, я и забыла. – Таня полезла в сумочку. – Я его распечатала на принтере.

Сима развернула сложенный вчетверо лист с напечатанным текстом.

– Ты знаешь, это не любовное письмо. – Сима виновато смотрит на Таню, отчего-то чувствуя себя виноватой. – Это проповедь о морали и Иисусе. Сидит такой проповедник и завлекает к себе новых адептов.

– Проповедь?!

– Цитаты из Библии. – Сима вздохнула. – Мир сошел с ума... Мужики, вместо того чтобы ухаживать за женщинами, либо пьют в темную голову, либо ударяются в разные глупости – игры, войнушку, религию... Ты не расстраивайся только.

– Просто я себе уже напридумывала всякого... Ай, да ладно! Черт с ним, пусть сидит, проповедует, кретин! – Таня вдруг подскочила. – Ой, а сегодня же памятник надо забрать! Поехали скорее, Ромка звонил, а я позабыла за болтовней!

Сима рада, что скользкая тема идиотского письма отошла на второй план, ей жаль было разочаровывать Таню, и она рада, что та, похоже, не слишком расстроилась.

* * *

Памятник получился удивительный.

Сима рассматривает кусок зеленоватого камня, на котором Сэмми очень узнаваем. Ну, и даты рождения и смерти, как полагается.

– «Смерть – это начало Пути». – Таня прочитала надпись вслух и уставилась на мастера: – Рома, и что это?

– Не важно. Поехали устанавливать. – Роман взглянул на Симу: – Нравится?

Сима кивнула. Памятник ей нравился, и сама идея установить его казалась ей теперь вполне здоровой. Пусть у Сэмми будет памятник, и никто случайно не наступит на песчаный холмик между тополями.

– Загрузим все в твой багажник. – Роман оглянулся. – Подгони машину поближе, мешок с цементом – не самый легкий, и песок тоже...

– Песка мало на берегу?

– Тань, там грязный песок, его просеивать надо. А у меня хороший, чистый. Воду в реке наберем и раствор разведем прямо там, я возьму старый таз, который можно будет сразу выбросить.

– Да как скажешь, я не спорю.

Таня не принимает участия в сборах, она заинтересовалась огромными памятниками в боковой аллее, а Сима осталась у машины – надо же открыть багажник.

У Романа зазвонил телефон, когда он нес полированный камень к машине.

– Сима, достань трубу из кармана и посмотри, кто звонит.

Сима выудила из кармана его комбинезона телефон и взглянула на экран:

– Какой-то Димон.

– Ладно.

Роман аккуратно поставил камень на дорожку и взял у Симы телефон, а она отошла в сторону, чтобы он не думал, что она подслушивает.

– Я уже понял, что ты разболтал. Димон, ты реально debil!

Голос Романа злой и громкий. Видимо, Димон сделал сейчас что-то совсем глупое.

– Ты debil, понимаешь? Тупой debil! Ты знаешь, что ты сделал?! Так, не звони мне больше и не приезжай, мы незнакомы.

Он спрятал телефон в карман и выругался.

– Что-то плохое случилось?

– Типа того. – Роман наклонился и поднял камень. – В салон поставим, я придержу его. Вот, Сима, имей в виду: никогда не делай серьезных дел с идиотом.

– Да я и не...

– Это так, на будущее. Где Татьяна?

– А вон, смотри, сюда идет. А это...

– Сумка с инструментом, давай ее в багажник. – Роман поставил большую темную сумку в багажник. – Тань, где ты ходишь?

– Я люблю гулять по кладбищу. – Таня хихикнула. – Но никогда не доходила туда, где старые захоронения, которым по сто лет.

– Есть и старше, но глядеть там не на что. – Роман плюхнулся на заднее сиденье. – Едем, девки, время не ждет. Дело-то к закату.

– И как ты тут не боишься один...

– А я не один, – хмыкнул Роман. – Сторожа здесь, в крематории дежурный, и бомжей человек семь постоянных есть, вечно туда-сюда шастают. А куда своей квартиры нет, то и здесь можно пожить. Тут некого бояться, чужие не ходят, а покойники не вылезут.

– А если как в фильме «Возвращение живых мертвецов»?..

– Тань, не начинай. – Роман раздраженно поморщился. – Я этой бодяги наслушался под завязку. Мне хорошая книга интереснее всякого киноговна, и в жизни случались такие вещи, которых ни один сценарист не придумает.

Сима молчит. Она не слишком уютно чувствовала себя на кладбище и даже представить не может, как Роман живет там, когда за окном кресты и памятники. Но она никогда не вмешивается в чужие дела и раздавать советы тоже не горит желанием. Мало ли что ей неуютно, а вот кому-то нормально.

– Капустинское кладбище, дамы, самое старое в городе. – Роман, похоже, оседлал любимого конька. – Оно было большим уже до революции, и хоронили там как знать и купцов, так и нищих. Правда, аристократический квартал сильно пострадал от искателей сокровищ, коих во множестве было после революции, а та часть, где хоронили бедноту, уцелела. Правда, теперь встал вопрос перезахоронения останков из тех могил, потому что земля дорогая и ее можно пустить под новые захоронения.

– И что, тех выкапывают? – Таня заинтересованно вскинулась. – Старые гробы вон, а потом...

– Именно. – Роман вздохнул. – Да там за столько лет ничего не остается, как правило.

– И куда их? Ну, тех, что там?

– А никуда. – Роман пожал плечами. – В крематории сжигают и перезахороняют в урнах, для урн много места не надо.

– И ты сам видел, как раскапывают?!

– Ну, да. А что?

– Интересно же!

– Ничего там интересного, сгнившие доски да кучка костей. – Роман начинает сердиться. – Нездоровый интерес какой-то...

– Почему это нездоровый? – Таня надулась. – Просто любопытно. Ром... Ну, Ромчик!

– Нет, и не проси.

– Ну, я просто посмотрю. – Таня умоляюще смотрит на приятеля. – Я мешать не буду, слова не скажу, просто хочу посмотреть!

– Это не раскопки и не эксгумация, – пояснил Роман. – Дело грязное, запах часто бывает неприятный, хоть и времени много прошло, и вид у останков иногда... не так чтоб очень. Тань, нет, и не проси. Не нужно это тебе, просто поверь мне на слово.

– А ты? Тебе, значит, можно?!

– Я не в восторге ни от процесса, ни от результата. Здесь, что ли?

Сима этот разговор неприятен. Она и представить себе не может, как можно разрыть могилу – не фараона какого-то или там древнего скифа, которых раскапывают в научных целях, а вот так взять и раскопать просто захоронение, вытащить оттуда останки, рассматривать, куда-то нести... Она даже думать об этом не может, а уж смотреть на такое – и подавно.

– Ага, здесь. Ну, не прямо здесь, а...

– Да понял я. – Роман вышел из машины и наклонился за памятником. – Перенесем туда инструмент и приступим. Веди, показывай.

Два огромных тополя видны издали.

И снова она не может прийти к Сэмми одна. Но зато теперь есть памятник, который не позволит разрушить могилку Сэмми. Может, кому-то это покажется глупым или ненормальным, но Сима знает: эти люди просто не понимают, что значил для нее Сэмми, и понять не смогут, смысла даже нет что-то объяснять, да и зачем? Никто никогда не сможет понять ее до конца, потому что никто не проживет вместо нее ее жизнь, не почувствует то, что чувствует она.

– Уже становится жарко. – Роман уложил арматуру и развел в тазу раствор. – Народу будет тьма, а место самое что ни на есть бойкое.

Сима знает, что он прав: скоро к реке потянутся горожане – спасаться от жары, они пойдут толпами через полосу деревьев и кустарника, пробираясь к пляжу, и сохранить в целости могилку Сэмми без памятника будет сложно. Сима садится на песок и думает о том, что теперь ее жизнь стала не то чтобы пустой, но вроде как бессмысленной. Все эти годы она заботилась о Сэмми, любила его, а теперь ничего не осталось.

– Я обычно рано встаю, но по воскресеньям люблю поспать подольше. – Она смотрит на памятник и хмурится. – А Сэмми-то привык к ранней утренней глажке. А тут я дрыхну,

понимаете, забыв о том, как он прекрасен и вообще зачем я у него в доме живу. И он хватал меня зубами за мочку уха и тихонько тянул. Но его просто нужно было погладить, и он понимал, что я его по-прежнему люблю и меня все-таки стоит держать в доме, и тогда он, успокоившись, укладывался спать дальше и уже спал столько, сколько и я.

– Это самая длинная фраза, которую я от тебя слышала с того момента, как мы познакомились. – Таня улыбнулась. – Ничего, Сима, как-то все образует.

– Да, коты гораздо удобнее собак – с собакой надо гулять и кормить по часам, потому что собаке, если насыпать много еды, она за раз сожрет и сдохнет от обжорства. А коту можно насыпать гору корма, он встанет, съест немного, ровно столько, сколько ему требуется, потом сходит на лоток, зароем содеянное – и дальше ловит дзэн. – Роман взял памятник и насадил на арматуру. – Все, теперь подождем, пока застынет бетон, чтоб не принесло никого, понимаете? А то испортят мне всю работу.

Он сел на песок рядом с Симой и закрыл глаза. Только сейчас Сима заметила, какой у парня усталый вид, и ей стало стыдно: потащила человека под вечер, не спросив, может ли он поехать с ними, не голоден ли, и вообще!

– Я... знаете, я вам очень благодарна. И памятник чудесный. Вы не думайте, что это блажь, просто...

– Да понимаю я все. – Роман толкнул Симу плечом. – Я же на кладбище работаю, всякого навидался. Смерть – она и есть смерть, горе для оставшихся, хоть кто умрет, всегда есть кто-то, кто плачет по умершему. И я вам так скажу, девки: поистине никчемной должна быть жизнь, если не найдется никого, кто оплатит смерть. Так что, судя по тому, как ты убиваешься, кот этот был достойной личностью и прожил хорошую кошачью жизнь.

– А мышей как ловил на даче! А умный какой был! – Сима должна рассказать, объяснить! – Я когда его увидела – это, знаете, была любовь с первого взгляда! Вот так глянула – и пропала, мое сердце упало к его лапам, да там и осталось. Столько лет мы были вместе, столько всего пережили – и на тебе!

– Нужно мыслить позитивно. – Таня пытается разрядить обстановку. – Позитивное мышление и оптимизм притягивают хорошее. Эгрегор так работает.

Роман хмуро взглянул на нее.

– Знаешь, мне как начинают говорить насчет оптимизма, вспоминается сразу заправка на трассе и семейка такая: кушают, смеются, новый внедорожник на стоянке, а мадам по телефону о позитивном мышлении, и тут тебе сразу и эгрегор, и вообще вся эта долбаная хрень с тренингов, и сама девушка такая очень яркая, при муже и детях – лечит неудачливую подругу. Я жрал и любовался ими. Думал: есть же счастливые люди! И эгрегор им помогает, поди ж ты. Они поели и уехали, а я остался на еще один стейк, кофе и покурить... Километров через шестьдесят – разорванный отбойник, фура на боку и внедорожник, выброшенный метров на двадцать в кювет, – видно, фура споткнулась о разграничительный отбойник, уронила мешок на встречку, он лег от тягача к обочине наискось, и внедорожник по касательной был направлен в правый отбойник и через него – в кювет. Вот. Как слышу слово оптимизм, эгрегор, мышление, моделирование, карта успеха – сразу перед глазами это: бесформенные тела, еще чем-то там за что-то там как-то в своей кашке цепляющиеся, но окружающим уже все ясно, и «Скорая» будет только минут через тридцать, глядя на карту. Потому не надо мне этих материй за оптимизм, пессимизм, фигня это все. Мы можем только предположить, а уж Господь решит, как все у каждого из нас будет.

Они снова замолчали.

За кустами плещется река, в кронах деревьев шумит ветер, теплый песок налип на обувь, руки и одежда тоже в песке, но это не важно, потому что жизнь стала другой, и в этой жизни больше нет Сэмми, зато есть Таня. Вот так внезапно появилась, и Сима пока не знает,

что ей с этим делать, потому что ладно бы только Таня, но она каким-то непостижимым образом оказалась прямо в центре большой дружной семьи, а это уж и вовсе непонятно.

Иногда Сима вспоминала мать.

Она прокручивала в голове свое подготовленное бегство – как прятала деньги на своем чердаке, прятала от отчима, конечно. Как планировала все до мелочей, как укрепляла переноску Сэмми, чтобы в самый нужный момент, не дай бог, не оторвалась, например, ручка. Как по одной перетаскивала на вокзал свои вещи в дорожную сумку на колесиках – дорожную, очень практичную и удобную, которую купила тайком, безжалостно истратив крупную сумму, потому что от этих колесиков зависел успех путешествия. И сумка, которую она прямо из магазина отнесла в камеру хранения, свою службу сослужила исправно, не дав Симе выбиться из сил. Хотя у нее было немного вещей, забрать их все она не могла, но и оставить, например, зимние сапоги и куртку тоже было невозможно, потому что – кто знает, как сложится, а потому самое необходимое разрослось до туго набитой большой сумки на колесиках, которую Сима не смогла бы поднять ни при каких стараниях.

Но никто не заметил, что вещей в ее комнате стало подозрительно мало.

И Симе до сих пор интересно, когда же мать обнаружила ее отсутствие? И что она при этом говорила, бросилась ли в полицию или искать по знакомым? Но Сима понимала, что вряд ли мать искала ее, и это подспудное понимание наполняло ее горечью. Почему бессмысленный, вечно молчащий и гадающий под себя мальчишка был матери дороже ее, Симы? Что с ней не так?

И ей хотелось знать, как сейчас живет мать. Может, родила себе другого ребенка и забыла обо всем? Впрочем, о Симе она и без того редко вспоминала.

– Отвезите-ка меня, где взяли. – Роман потрогал пальцем бетонную стяжку вокруг камня. – Хорошо схватилось, вот что значит – тепло.

Сима кивнула и поднялась. Конечно, парня надо отвезти обратно.

Глаза Сэмми смотрят на нее со знакомым высокомерным выражением – как мастеру удалось передать это, непонятно, да только на памятнике изображен именно Сэмми, и никто другой. И то, что ей придется вернуться в квартиру, где его больше нет, тоже не добавляет радости.

– Конечно, едем.

Она придет сюда завтра – одна, без этих людей, случайно появившихся в ее жизни.

У Симы не было близких друзей или закадычных подруг. Она со всеми была приветлива, но потребности в чем-то большем никогда не испытывала. У нее была цель – одна, потом другая, и Сима просто достигала поставленной цели, так или иначе, чтобы тут же поставить себе другую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.